



Несвадебный **БРАК**
ПО-КАВКАЗСКИ

АНАСТАСИЯ ПЫРЧЕНКОВА
АЛЕКСАНДРА САЛИЕВА

Анастасия Пырченкова
Александра Салиева
Жестокий брак по-кавказски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73947497

Жестокий брак по-кавказски:

Аннотация

– Ты отказался от меня. Я больше не твоя жена, – произнесла, не решаясь вновь взглянуть на него. – И не подчиняюсь твоим правилам.

– Ты родила сына. И скрыла это от меня.

Я сжала пальцы, комкая платок.

– Он мой ребёнок.

– Нет, – отрезал Нияз. – Он мой. И он будет жить со мной.

– Ты женат, – напомнила я. – У тебя другая семья.

– Это не имеет значения, – отрезал бывший муж. – Мальчик не будет расти без отца. Его место в моём доме.

– Однажды ты уже лишил меня всего, – прошептала я. – Больше не получится.

– Ты знаешь традиции. Это решать не тебе, – ответил Нияз.

Шесть лет назад муж с позором выгнал меня из своего дома, решив что я ему изменила. Мои родители его поддержали. Я осталась одна, с ребёнком под сердцем, без крыши над головой и помощи со стороны родственников. Сегодня Нияз Караев вернулся – не за прощением, а за моим сыном. Только я уже

не та слабая и беззащитная девочка, слепо верящая в добро и справедливость. И если война неизбежна, я пройду её до конца. Даже если против меня вся его семья.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	73
Глава 6	96
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Александра Салиева, Анастасия Пырченкова Жестокий брак по-кавказски

Глава 1

– Ма-аам! – разнёсся по кабинету возмущённый голосок сына. – Мурад опять затащил меня в фонтан!

Я подняла взгляд от договора поставки и со вздохом уставилась на своего мокрого хулигана. Зелёная футболка потемнела от воды, длинные чёрные шортики прилипли к тонким ножкам. На полу уже собиралась лужа, а на лице сына сияла улыбка человека, который точно знает, что его простят.

– Мурад, значит... – протянула я, глядя на него сверху вниз. – Двухмесячный щенок овчарки взял тебя за руку и перетащил через бортик?

– Он первый начал, – лишь шире заулыбался Фархат.

– И что мне с тобой делать? – наигранно устало вздохнула, не спеша что-то предпринимать.

Не только потому, что такое не впервые происходило. А

потому что... смысл ругать ребёнка за то, что он веселится? Разве только за то, что подаёт дурной пример другим детям. Но это уже проблемы их родителей. А потому, ещё раз вздохнув, я поднялась из-за стола и направилась к сыну.

– Идём, хулиган, переоденем тебя, пока ты не устроил здесь потоп. Где Сабит? Почему ты один?

Сабит – сын ещё одной служащей в нашей пацхе*. Он старше Фархата на пару лет. Моему мальчику пять, ему, соответственно, семь. Обычно они всегда бегают вместе по территории.

– У нас новые гости, он пошёл провожать их в свободную беседку, – пояснил сын.

Кивнула, принимая объяснение.

Мой кабинет находился на первом этаже основного здания, а жилые комнаты на втором. Так что пришлось пройтись. Нашим шагам сопутствовали мокрые следы от сандалий Фархата. Заметив их, я качнула головой. Теперь ещё и убираться.

Мы почти поднялись по лестнице, когда входная дверь внизу открылась и на пороге появилась запыхавшаяся Мадина.

– Алия Юсуфовна, Алия Юсуфовна! Вы срочно нужны в пятой беседке!

– Что случилось?

– Лейла.

Просто имя, но этого хватило, чтобы меня прошиб пот.

Эта девочка примкнула к нам совсем недавно. Она не говорила, что с ней случилось, но всё её поведение кричало о том, что ничего хорошего. Она сторонилась всех лиц мужского пола старше шестнадцати и вздрагивала от громкого голоса, глядя себе под ноги с таким видом, будто постоянно ждала удара.

– Что с ней? – нахмурилась.

– Она выставляла блюда на стол и задела одну из гостей, та облилась чаем. Лейла извинилась, но та как взбесилась. Принялась кричать на неё, называть по-всякому.

Ох...

Это плохо, очень плохо.

– Я разберусь, – кивнула Мадине, – а ты помоги Фархату переодеться, пожалуйста, ладно?

– Опять в фонтан залез? – улыбнулась та.

– Это Мурад меня туда затащил, – возмутился мой упрямый мальчик.

– Кто ж ещё? – хмыкнула я, потрепав его по волосам. – Будь умницей, ладно?

Сын кивнул.

– Я переоденусь и приду помочь, – добавил важно.

Защитник мой!

Улыбнувшись, вложила его ладошку в руку Мадины и поспешила в пятую беседку.

Наша пацха находилась в горах, рядом с водопадом и пользовалась популярностью не только у местных, но и ту-

ристов. Беседки в усадьбе располагались на расстоянии друг от друга, чтобы не мешать гостям отдыхать.

На выходе меня встретил виляющий хвостом довольный и мокрый Мурад. Погрозив малышу пальцем, я поспешила дальше.

В разгар дня посетителей было не так уж много, обычно гости собирались к вечеру, когда жара отступала, сменяясь приятной прохладой, поэтому крикливую девушку я услышала ещё издалека.

Плохо.

Прибавив в шаг, я протиснулась между собравшимися зеваками и вошла в беседку.

Небольшое помещение с длинным столом и видом на горный ручей было заполнено несколькими женщинами. Я их особо не разглядывала. Всё моё внимание сосредоточилось на забитой в угол Лейле. И без того большие и напуганные карие глаза девушки были полны слёз.

– Криворукая! Да тебя уволить мало! – визжала она. – Ты хоть понимаешь, сколько стоит это платье?! Кто мне теперь за него заплатит?!

На синем шёлке и впрямь расплывалось некрасивое пятно. Лейла едва слышно прошептала:

– Простите... я... я не хотела...

Конечно же, прощать её никто не собирался.

– Да что толку от твоих оправданий? За платье испорченное мне кто теперь заплатит, я тебя спрашиваю, а?

Разозлённая посетительница шагнула ближе к Лейле.

– Хватит! – прервала строгим тоном весь этот балаган.

Голос прозвучал жёстче, чем я планировала. Но иначе нельзя. С такими – нельзя. Я встала между ними, заслоняя Лейлу собой, подняла взгляд.

И земля ушла из-под ног.

Глаза напротив – до безумия знакомые. Полные яда, превосходства и такой знакомой, липкой ненависти.

Азра.

Шесть лет назад я считала её подругой. Она смеялась со мной, пила чай на кухне отчего дома, называла меня «сестрой»... а потом отдала меня на растерзание семье моего мужа так легко, будто я была ненужной грязной тряпкой. Тогда я вот так же стояла перед ней, а она смеялась мне в лицо, выкрикивая «Кахба!» и прочие оскорбления наравне с остальными, будто я в самом деле падшая женщина, пока мне под ноги падали состриженные чужими руками клоки волос.

Всевышний!..

В груди резко запекло. Воздуха перестало хватать. Я открыла рот, чтобы вдохнуть, но в итоге так и не сделала этого. Сбоку от нас послышалось шуршание, и я медленно повернула голову, встретившись глазами с ещё одним своим ожившим кошмаром из прошлого.

Халиса Сабитовна. Мать бывшего мужа.

– Ты... – выдохнула она, не скрывая отвращения. – Ты?!

Она сидела чуть в стороне, будто королева на троне: пря-

мая спина, подбородок поднят, взгляд холодный. Мне понадобились все силы, чтобы остаться стоять на прежнем месте и не дрогнуть, когда она плавно поднялась и шагнула навстречу. А вот Лейла испуганно пискнула от такой открытой неприязни. Это и помогло прийти в себя.

Я здесь не для того, чтобы проваливаться в прошлое. Я здесь, чтобы защитить Лейлу.

Я заставила себя выпрямиться. Сжала зубы. Вдохнула.

Я помнила, на что способна Халиса Сабитовна. Помнила ножницы. Помнила двор. Помнила, как меня держали. И как Нияз стоял, не делая ни шага, с таким же презрением наблюдая за тем, что творили со мной, несмотря на все мои мольбы и отчаянные крики о том, что я невиновна.

Из-за свекрови я лишилась не только мужа, но и родной семьи – родители отказались от меня, не приняли обратно. И если бы не добрый человек, встретившийся на моём пути – хозяин этой ресторанной усадьбы, приютивший и ставший мне названным отцом, неизвестно ещё, была бы я жива. Как и мой сын.

Холод разлился по груди.

Фархат.

Если они его увидят... если сопоставят... если поймут, чьи у него глаза...

Нет. Нельзя. Нельзя допустить.

– Я приношу извинения за нашу сотрудницу, – сказала я максимально ровно. – Мы оплатим химчистку и сделаем

скидку на ваш заказ. Лейла сейчас выйдет, чтобы успокоиться. Пожалуйста, продолжайте отдых.

Дрожь в голосе полностью скрыть не удалось, но в целом я справилась. Схватила Лейлу за руку и повела за собой на выход.

И тут Халиса Сабитовна сорвалась.

Не кричала – нет. Кричать могут простые. Она была иначе: холодно, внятно, чтобы каждое слово вонзилось и осталось.

– А ну стоять, – бросила она. – Думаешь, если сбежала в другой регион и теперь работаешь в дорогом ресторане, то всё забыто? Ты опозорила наш род. И свой тоже. А теперь ходишь, будто чистая.

Я продолжила идти. Но шаг стал тяжелее.

– Хозяин этой пацхи вообще знает, кого держит у себя? – донеслось вслед уже от Азры фальшиво сладким голосом.

– Или он как раз поэтому тебя и оставил у себя? Любит таких? – донеслось ехидное от молчавшей до этих пор Фазийи.

Вслед за высказыванием сестры Нияза в беседке мерзко захихикали. В последний раз, когда я её видела, ей было пятнадцать, и она уже тогда умела быть жестокой так, как умеют только дети, которые с детства наблюдают, как унижают слабого, и считают это нормой.

Я остановилась.

Не потому что почувствовала себя оскорблённой. Стало в самом деле обидно. Но не за себя. За дядюшку Турсуна. За

того, кто поднял меня с земли, когда мне хотелось лечь и не вставать. Он точно не заслужил такого.

– На будущее. Можете оскорблять меня, как хотите и сколько хотите, мне откровенно плевать, что вы обо мне думаете. Но не смейте трогать папу. Он недостоин таких слов и домыслов.

Фазийя улыбнулась шире.

– Отца? Ты его *так* называешь? – переспросила. – В любом случае, кто с грязью дружит, сам грязью становится. Точно змея.

Ядовитая, скользкая, как и её мать.

– Слышите, как она разговаривает? – Халиса Сабитовна усмехнулась, обращаясь уже не ко мне, а к своим спутникам. – Как будто мы ей ровня.

Слова ударили точно. В тело. В память.

– Ты всегда была такой, – продолжала она, медленно подходя ближе. – С виду тихая. Глаза честные. А внутри – гниль. Мы тебя в дом пустили. Как родную. А ты что сделала? – она махнула рукой, будто отгоняя муху. – Ты думаешь, я не помню, как тебя выводили? – её голос стал тише, опаснее. – Как ты цеплялась за ворота? Как визжала, когда волосы начали резать?

Я почувствовала, как у меня свело пальцы.

– Перестаньте, – сказала я глухо.

– Перестать? – свекровь коротко рассмеялась. – Ты сейчас не в том положении, чтобы мне приказывать. Ты вообще

никогда не была в таком положении, – она сделала шаг ещё ближе. Я почти физически ощущала её ненависть. – Посмотрите, – обратилась уже ко всем. – Вот как выглядит женщина, которая не знает, что такое честь. Вот как выглядит позор.

Толпа вокруг беседки стала гуще. Я чувствовала взгляды – липкие, оценивающие. Кто-то уже не скрывал интереса.

– Вы сейчас же покинете территорию, – сказала я, собирая остатки самообладания. – Иначе я вызову охрану.

– Посмотрите на неё, – насмешливо фыркнула уже Азра, оборачиваясь к остальным. – Ходит, командует, защищает других девок. А ведь сама когда-то стояла и умоляла, чтобы её не трогали. Кахба.

Слово повисло в воздухе, как плевок. У меня зашумело в ушах. Толпа у беседки ахнула. Взгляды стали настороженные. Кто-то шепнул:

– Ужас...

– Ужас – это она, – отрезала Халиса. – И такие, как она.

Я почувствовала, как внутри что-то ломается – не с треском, а тихо. Как старая кость, которая и без того слишком долго держалась.

И в этот момент я услышала шаги.

Тяжёлые. Мужские.

Гул голосов за спиной стал другим. Ниже. Сдержаннее. Я поняла это ещё до того, как обернулась: мужчины вышли из соседней закрытой беседки.

– Что здесь происходит? – прозвучало суровым басом.

Таким родным и чужим одновременно, что всё внутри меня на миг замерло.

Я медленно повернула голову. И увидела его.

Нияз стоял чуть впереди остальных. Высокий, собранный, в тёмной рубашке, с тем самым выражением лица, которое когда-то заставляло меня верить, что рядом с ним я в безопасности. Чёрные волосы коротко стрижены. На виске едва заметный шрам. Он был таким же, как я его запомнила. С горбинкой на носу и гордым разворотом широких плеч.

Наши взгляды встретились. Мир будто схлопнулся.

Я увидела, как у него дёрнулась челюсть. Как он задержал дыхание.

Карий взор скользнул по моему лицу – коротко, быстро, задержался на волосах. Всё ещё коротких, хоть и не настолько, как прежде.

Да, теперь я ношу каре. Как ежедневное напоминание о том, насколько жестоким бывает этот мир, и нельзя расслабляться. Бывает, удар приходит оттуда, откуда совсем не ждёшь, и именно тогда, когда совсем не готова.

– Нияз, – протянула Халиса Сабитовна с облегчением и торжеством одновременно. – Иди сюда. Ты только посмотри, кого мы тут встретили.

Он сделал шаг. Потом ещё один. Я не отводила взгляд. Не потому, что была сильной. А потому, что больше не могла прятаться. Некуда.

– Вот она, – продолжала Халиса, указывая на меня. – Твоя

ошибка. Работает тут. Кажется, и вовсе управляет. Представляешь?

Нияз молчал.

– Мы как раз объясняли ей, – добавила Фазийя, – что прошлое не смывается. Если только кровью. Не так ли?

В груди у меня стало пусто. Ровно как в глазах бывшего мужа наоборот разгоралось яркое пламя. Ненависть? Презрение? Я не знала. И знать не хотела. Мне бы просто сбежать от них всех и в одиночествелизать открывшиеся раны. Но за моей спиной стояла впечатлительная Лейла, цепляясь за мою тунику, как утопающий за соломинку, и я просто не могла её бросить, подвести. Так я когда-то держалась за платье своей матери. За воздух. За тщетную надежду, что меня не оставят одну. За это мне пришлось дорого поплатиться. И я не хочу, чтобы Лейла испытывала то же самое. Именно поэтому вскинула голову повыше и криво усмехнулась, глядя в карие глаза Нияза. Пусть видит – я не боюсь. Больше нет. Я больше не та зашуганная маленькая девочка, боявшаяся слово поперёк старшим сказать.

– Камни дать? – предложила со всем в данной ситуации равнодушием. – Или свои принесли?

Толпа снова ахнула.

Я же продолжила смотреть исключительно на Нияза. Заметила, как он шумно выдохнул, как сжались ладони в кулаки. Сбоку продолжала возмущаться его мать, но я её уже тоже больше не слышала. В ушах слишком шумело. Кровь

гудела в венах, тело трясло, пришлось тоже сжать кулаки, чтобы не спасовать перед тёмным взглядом, в котором отражалось наше общее прошлое, которое я мечтала стереть из своей памяти навсегда, чтобы его никогда не существовало.

– Так что? Дать? – повторила глухо для Нияза. – Порадуем твою мать ещё раз моим унижением?

Халиса Сабитовна надменно фыркнула, а карие глаза опасно сощурились. В отличие от своего сына, она прекрасно поняла мой посыл.

– Я порадовалась бы гораздо больше, если б ты вообще не существовала, беда моего рода.

– Так почему бы вам всем не уйти и не забыть о моём существовании, как вы уже однажды это сделали?

Вышло грубее, чем собиралась. Но зато правдиво. Всем бы легче стало, сделай они это.

– Да как ты смеешь, мерзавка!.. – гораздо быстрее матери взбесилась Фазийя и рванула ко мне с явным намерением вцепиться мне в волосы.

Вполне возможно, что и впрямь бы вцепилась, но будто на незримую стену налетела, когда послышалось:

– Хватит.

Нияз выставил руку между нами, таким образом останавливая порыв своей сестры.

Воцарилось молчание. Нияз так и не перестал на меня смотреть. Смотрел, будто впервые видел. Или до сих пор не верил, что мы встретились вновь. А может и что похуже ду-

мал. Но в итоге так ничего и не сказал. Не мне.

– Мы уходим, – сказал Нияз, обращаясь к остальным.

Голос был ровный. Холодный. Такой, каким объявляют решение, не предполагающее возражений.

– Что? – задохнулась женская половина от такого поворота. – Как это – *мы*?

В этом «мы» было возмущение, привычка всегда получать желаемое и непоколебимая уверенность, что им обязаны уступить.

– Это *она* должна уйти, – закончила уже одна Фазийя. – Нечего такой делать в таком уважаемом месте.

Я даже не успела вдохнуть.

– Видимо, – сухо отозвался Нияз, не глядя на меня, – не столь это место и уважаемо, раз нанимает таких работников.

Слово «таких» прозвучало хуже пощёчины. Мир подёрнулся влажной дымкой, будто кто-то резко плеснул в глаза водой. Я попыталась что-то сказать. И не смогла. Губы онемели, язык не слушался, как если бы больше не принадлежал мне. Будто меня снова выталкивали, только теперь не за ворота дома бывшего мужа, а из собственной жизни.

И именно в этот момент, как выстрел в тишине, раздался голос Фархата:

– Мама? Я есть хочу.

Внутренности кипятком ошпарило.

Мой мальчик застыл у входа, держась за перила. Волосы ещё были влажными, а на плечо сползла сухая футболка. Он

тёр глаза и смотрел только на меня. Не на толпу. Не на чужие лица.

Тишина накрыла беседку мгновенно. Плотная. Звенящая.

Я физически почувствовала, как взгляды всех разом метнулись к ребёнку. Как женщины начали считать – возраст, рост, черты. Как мужчины напряглись, выпрямились, будто перед ними появился новый порядок вещей. Халиса Сабитовна побледнела, поджала губы. Нияз сделал шаг вперёд – резкий, произвольный. У меня всё внутри оборвалось.

– Мама?.. – переспросила Азра едва слышно.

Всевышний, как мне теперь это всё исправить? Как заставить их не смотреть и не видеть? Как убедить, что это совпадение, случайность, ошибка?

В голове, как назло, ни единой мысли – сплошь паника.

Нияз шагнул ещё ближе к сыну, и у меня сердце остановилось. Я дёрнулась следом, но не успела.

– Это мой сын, – раздался вдруг голос сбоку.

Мадина, быстро оценившая ситуацию, подошла к Фархату и положила ему руку на плечо.

– Пойдём, солнышко. Тётя Алия сейчас занята, – развернула моего мальчика к выходу.

Фархат растерянно моргнул, но послушно шагнул вслед за ней, но в последний момент опять оглянулся на меня.

– А ты скоро? – спросил тихонько.

Мне стоило невероятных усилий заставить себя улыбнуться.

– Скоро, – прошептала я. – Очень скоро.

Когда они ушли, воздух медленно вернулся. Хотя и тогда Халиса Сабитовна смотрела на меня так, будто что-то пошло не по её плану. Нияз – не отрывая взгляда.

Я сделала вдох. И поняла: прошлое меня нашло. Теперь от него не убежать.

Глава 2

Тишина затягивалась. Фархат с Мадиной ушли, а легче не стало. Все по-прежнему смотрели на меня, как будто у меня выросла вторая голова. Воздух сгустился от напряжения. Вот-вот взорвётся. Я с ужасом ждала, что будет дальше.

Поверили ли они выступлению Мадины?

По взгляду Нияза было не понять. Но я очень надеялась, что да. По крайней мере, он так ничего и не сказал. Затем вовсе покинул беседку. За ним следом потянулись и остальные. Последним вышел брат Азры, бросив на меня короткий цепкий взор. Показалось, он вот-вот что-то скажет, но так и не сделал этого. Ушёл. Все ушли. Но я позволила себе расслабиться только тогда, когда их голоса окончательно стихли.

Шумно выдохнув, я почти упала на скамью рядом. Ноги не держали.

– Алия Юсуфовна, вы как? – поинтересовалась Лейла тихо, протянув мне запечатанную бутылку с водой, которую гости так ещё не успели открыть.

Я взяла её в руки больше по инерции, чем осознанно. Отметила про себя, что она прохладная, и приложила к голове.

– Всевышний, я думала это конец, – прошептала, чувствуя, как меня накрывает запоздалая истерика.

Шесть лет прошло, я уже и не думала, что свидимся, и

вот, пожалуйста. Нияз здесь, за много километров от родного города. Что только забыли так далеко? И почему с ними Азра? Хотя нет, о последнем знать точно не хотелось.

Тряхнув головой, я поднялась обратно на дрожащие ноги. У входа всё толпился народ, все рассматривали меня, перешёптывались, и я запоздало переосмыслила, что они слышали. Всё. От и до. То, как называли меня родственники бывшего мужа. И он сам, пусть и не напрямую.

Кахба...

Смешно. Потому что я ни разу, даже в мыслях не изменяла Ниязу. Я всем сердцем любила его. За что в итоге и поплатилась. Ради него терпела издевательства его матери и сестры, пыталась наладить отношения, не жаловалась, а в итоге он поверил им, а не мне. Поддержал скандал, приказал остричь мои волосы и выставил за порог со словами, что мы больше не муж и жена.

В горле до сих пор вставал горький ком от воспоминаний. А в тот момент мне казалось, что я вообще больше не смогу жить. Брела по дороге, побитая, рыдающая, ощущая себя никчёмной. Чтобы на пороге отчего дома получить пощёчину от отца и похожий приговор. Им тоже оказалась не нужна дочь, которая опорочила их честь. И никому не было дела до моих оправданий, что я ни в чём не виновата.

И вот теперь всё возвращалось. Безнадёга накрывала с головой. Я прекрасно представляла все будущие последствия от этой встречи. Если не Нияз, так его мать не даст мне боль-

ше спокойной жизни в этом месте. Будет давить, пока не уничтожит. Она наверняка до сегодняшнего дня вообще считала меня лежащей мёртвой на дне какого-нибудь обрыва. А я не только выжить посмела, так ещё и процветаю.

Бежать? Опять. Но куда? Некуда. Да и как я объясню это Фархату? А если и смогу, сколько такой жизни я протяну с маленьким ребёнком на руках?

Всевышний, за что?.. Чем я тебя так прогневила?

– Алия Юсуфовна, вам плохо?

Лейла – кроткая, боязливая – сейчас выглядела ещё более напуганной, чем когда на неё кричала Азра. Я ухватила её за ладонь, крепко сжала в попытке успокоить. Вышло плохо. Страх и волнение из её глаз никуда не исчезли. Да и спокойствия во мне никакого не было. Нервы дрожали в шаге от того, чтобы лопнуть.

Нужно уйти, пока меня не накрыло эмоциями. Скрыться от чужих глаз. Но сперва найти сына и покормить его. Мадина наверняка отвела его на кухню. И я, заставив себя отсечь всё плохое, отправилась за ними.

Я угадала. Мой хулиган нашёлся в столовой за детским столом, уминающий любимую долму. Заметив меня, улыбнулся и едва не подскочил со своего места, чтобы поприветствовать.

– Ешь, – велела, махнув рукой, чувствуя, как, наконец, в самом деле расслабились мышцы в теле.

Именно здесь. Сейчас. Рядом с моим мальчиком.

– Всё хорошо? – поинтересовалась тихо подошедшая Мадина.

– Да. Спасибо, что прикрыла.

Девушка кивнула, но волнение из её глаз так и не пропало. Пришлось натянуть на лицо беззаботную улыбку и присоединяться к Фархату. С ним и провела остаток дня. Пока в усадьбу не появился дядюшка Турсун. И вот от него скрыть свои переживания не вышло.

– Рассказывай, что случилось, Алия. И не ври мне, – велел строго, как только мы оказались в его кабинете, где никто не мог нас подслушать.

Дядюшке Турсуну было давно за шестьдесят, но выглядел он моложе своих лет. Возраст выдавала лишь седина в тёмных волосах, да тяжёлый, полный жизненного опыта, взгляд. Он прихрамывал на правую ногу, поэтому ходил с тростью. Но даже с таким увечьем умудрялся выглядеть грозно в своём величии. Именно поэтому я не стала врать, как и просил. Тем более, что он знал историю моего прошлого и действительно мог помочь.

Но чем дольше я рассказывала, тем более смурным мужчиной становился.

– Вот же гнездо шайтанов! – выругался под конец, ударив тростью по полу.

Звук вышел громким и внезапным, отчего я невольно вздрогнула. Но дядюшка Турсун принял это на иной счёт.

– Не бойся, дочка, я не позволю никому тебя обидеть. Но

в ближайшее время с территории пацхи ни ногой, поняла? Нужно убедиться, что никто из них не вернётся.

Я кивнула.

– Спасибо, – прошептала благодарно.

Не представляла, что бы делала, не встретить в своё время этого замечательного человека. Наверное, и правда со скалы сбросилась от отчаяния, как часто делают девушки, оказавшиеся в моём положении.

– Всё, иди спать, – отослал мужчина меня взмахом руки.

Я поднялась со стула и, склонив голову, направилась к выходу. Но стоило мне взяться за ручку, как дядюшка Турсун добавил:

– Алия, а как ты смотришь на то, чтобы снова выйти замуж?

Я замерла, шокированная услышанным. Пальцы крепче обхватили ручку двери, которую я так и не открыла.

– В-вы о чём? – выдохнула дрожащим тоном, медленно обернувшись.

В мужском взоре светилась усталость. Но в то же время твёрдость.

– О никахе. И законной регистрации брака.

Слова ударили в грудь, да там и застряли, прожигая своей горечью.

– Кто ж меня такую возьмёт? – шепнула, натянуто улыбаясь.

– Я.

– Вы? – в повторном шоке уставилась на дядюшку.

– Я, – спокойно повторил он.

– Зачем вам это?

– А ты знаешь получше вариант, как защититься от Каревых? Всё же я не молод. Сегодня живу, завтра нет. А так Фархат моим сыном будет. Ты всё равно всей пацхой управляешь за меня последний год. Так и продолжишь, заботясь обо всех, как ты умеешь. И никто тебе будет не указ.

– Вы... Вы думаете, Нияз в самом деле вернётся?

Стоило только представить нечто подобное, как горло схватило удушье, а я сама – за горло.

– Я думаю, что на моём месте заполучить молодую жену никто бы не отказался, а тут и повод достойный есть, – заговорщицки подмигнул мне.

С моих губ сорвался смешок. Тихий. Нервный. Неверчивый. Но где-то в глубине расправляла свои хрустальные крылья надежда. Это ведь и правда выход, если так подумать. У сына будет имя, защита, он перестанет быть мальчишкой без рода и племени. Вот только... как это будет выглядеть в глазах всех, особенно после сегодняшнего скандала?

– Но, если не хочешь, могу просто отправить тебя с Фархатом в Москву, к моему Казбеку, ему как раз нужна помощница в чайхане, – предложил дядюшка Турсун, заметив мои сомнения. – Там уж точно жениха себе по нраву найдёшь.

Его племянник уже лет десять, как там жил. Даже женился на какой-то русской девушке. Так что ничего неприлич-

ного мне там не грозило. Плюс работа. Да и сама идея самой найти себе жениха показалась если не заманчивой, то точно стоящей рассмотрения.

– Можно я подумаю? – попросила.

– Можно. Но не затягивай с этим, Алия. Лучше всё решить поскорее.

Кивнув, я всё-таки покинула его кабинет, но вместо того, чтобы пойти в комнату и присоединиться к спящему сыну, я отправилась на улицу подышать воздухом. Подумать и правда было о чём.

Всю ночь думала, но так и не решила, какой вариант лучше. Хотелось остаться в родном краю, наслаждаясь тишиной и спокойствием величественных гор. С другой стороны – в новом месте, вдали от дома, будет и правда легче. Не придётся бояться того, что однажды Нияз вновь появится в моей жизни, узнает о сыне и заберёт его. Я буду спокойна и свободна. У русских другие нравы, никто не станет меня ни к чему принуждать и уж тем более осуждать, буду сама себе хозяйкой, как и прежде, при работе. Но и сын будет расти среди чужой атмосферы.

Выбор и правда сложный.

Но дядюшка Турсун прав. Нужно решить. В любой момент везение может повернуться ко мне спиной.

В итоге не придумала ничего лучше, как поговорить с самим Фархатом. Может его реакция подскажет, как будет правильной поступить?

Я дождалась, когда он проснётся, позавтракает, после чего мы пошли гулять по округе. За дальними беседками находился небольшой природный водопад, туда я его и привела. Одному ему сюда было запрещено приходить, поэтому мой мальчик сильно обрадовался возможности побегать в воде. Я сняла с него одежду, оставив в трусиках, и отпустила плескаться. Сама же уселась неподалёку на траву.

– Фархат, а как ты смотришь на то, чтоб отправиться в путешествие? – поинтересовалась осторожно у сына, когда он, набегавшись по округе, вернулся ко мне и упал рядом.

– В путешествие? А куда? – спросил Фархат, кувыркнувшись вперёд.

Вышло не очень аккуратно, он упал на бок, довольно рассмеявшись своей неуклюжести.

– Далеко. В большой-пребольшой город, где нет гор, зато дома достают макушками до неба, – пояснила, наблюдая за ним с улыбкой.

– Прямо до неба? – удивился мой мальчик, уставившись на меня огромными удивлёнными глазами, оставшись валяться в неудобной позе.

Ещё и ручку вытянул вверх в качестве уточнения.

– Прямо до неба, – подтвердила кивком.

– Ого! – продолжал удивляться он. – А надолго?

Сменил положение на сидячее, уставившись на меня с любопытством.

Очень хотелось соврать, но я не стала. Потянулась попра-

вить мокрые волосики, попутно отвечая:

– Скорее всего, да.

– А как же дядюшка Турсун? Он поедет с нами? А Мадина? А Лейла? А Мурад? А Сабит?.. – принялся перебирать сын всех наших знакомых.

– К сожалению, нет, малыш, – качнула головой. – Они все останутся здесь.

Фархат нахмурился, сморщив свой маленький носик.

– Тогда не хочу, – заявил ожидаемое через паузу.

– Но, возможно, они будут приезжать навещать нас, – решила зайти с другой стороны.

– Не, всё равно не хочу, – пошёл в окончательный отказ он и вернулся к своим кувырмам.

Закусила губу. Что ж, значит первый вариант.

– Фархат, а как ты смотришь на то, чтобы мама вышла замуж? – задала новый вопрос.

– Замуж? – ещё больше удивился малыш, застыв в позе перед кувырком, глядя на меня между широко расставленных ножек.

– Да.

Фархат выпрямился, обернулся.

– То есть у меня папа появится? Как у Сабита? – надул губки с самым задумчивым видом.

– Верно.

– А кто?

– Дядюшка Турсун.

Сердце на миг споткнулось, когда на мой ответ повисло продолжительное молчание. Которое сменил громкий радостный крик.

– Ура! У меня будет папа! Как у Сабита! Дядюшка Турсун станет моим папой! – запрыгал по поляне он счастливо, но вдруг замер и осторожно уточнил: – Ведь станет же?

Последнее прозвучало уже тихо и неуверенно, а у меня на глазах слёзы навернулись.

Бедный мой мальчик, как же ему хотелось, чтобы у него тоже был папа.

– Он и так тебе им всегда был.

Если так подумать, то лучшего кандидата и не найти. А глядя на восторженное личико сына, я в этом только утвердилась.

– Ура! Дядя Турсун станет моим настоящим папой! – вернулся к прыжковым танцам по поляне.

Я с улыбкой проследила за ним и тоже улеглась на траву. И только тогда заметила, что мы на поляне не одни. На её краю каменным изваянием во всём чёрном застыл... Нияз.

Подскочила на ноги раньше, чем поняла, что делаю. Заслонила собой сына, глядя на него напряжённо исподлобья, готовая драться в случае, если он решит забрать его у меня.

Не отдам!

Моё!

Нияз будто того и ждал от меня. Усмехнулся понимающе. И раз уж я его заметила, переступил невидимую границу по-

ляны. Солнечный день резко обратился в сумрачный. Сердце пронзила стрела страха.

Он... слышал? Как много? И, если да, что собрался делать?

Фархат с любопытством выглянул из-за моих ног и тут же оказался задвинут мной обратно. Недовольно запыхтел, но спорить не стал.

Нияз остановился в двух шагах от нас, внимательно наблюдая за нашей вознёй. Сперва за сыном, затем медленно принялся скользить взглядом по моему телу снизу вверх. Ветер трепал тунику, отчего бирюзовая ткань то и дело обрисовывала изгибы моего тела, в итоге у меня щёки полыхали уже не только от страха и гнева, но и смущения. Уж слишком знакомый огонь разгорался в тёмном взоре с каждым уходящим мгновением. Нияз так смотрел на меня, когда ещё не считал меня падшей женщиной. С жадой и желанием. Только если прежде мне это нравилось, то сейчас очень испугало.

– Зачем ты вернулся? – прошептала с дрожью в голосе.

– А сама как думаешь? – усмехнулся он ядовито.

Жестокий! Какой он всё-таки жестокий...

– Фархат, солнышко, иди найди Лейлу. Присмотри за ней, ладно? Чтоб её никто не обижал, как вчера.

– Ладно, – согласился мой мальчик, не забыв одарить своего отца подозрительным взглядом.

Отступил от меня тоже неохотно. Подобрал вещи, прижал

их к себе одной рукой.

– Не смей обижать мою маму! Я тебе ух! – погрозил свободным кулаком, прежде чем убежать.

А у меня внутри всё упало.

Я ведь специально отослала его, чтобы как раз не выдать правду. А вышло...

Нияз проводил его пытливым взглядом, в уголках губ я заметила улыбку. Которая быстро померкла, стоило ему только вернуть внимание мне.

– Маму, значит?..

Не вопрос. Сухая констатация факта. Наравне с полным мрачности тёмным взглядом, впивающегося в меня так глубоко, что казалось, пробирало до самых костей.

– Здесь все для него своего рода мамы и папы, – отозвалась как можно безразличней, пожав плечами.

Нехорошо врать, я знаю, но какой у меня выбор? Скажу правду и тут же лишусь сына. Нияз его заберёт. Да и не так чтоб солгала. Здесь действительно все заботятся о детях, не делая разницы между своими и чужими. Все малыши равны. И воспитывают их одинаково. Ругают, балуют, наказывают.

– Ты снова лжёшь мне, Алия, – и в этой фразе Нияза тоже ни капли сомнения. Лишь твёрдая уверенность в правоте. – Когда ты его родила?

Пальцы дрогнули. Пришлось сжать их в кулаки. Заодно так проще было не поддаваться панике.

– Я же сказала...

– И соврала, – перебил жёстко Нияз. – Я узнал у других мальчишек, бегающих по округе. Пятнадцать минут назад, – одарил полным презрения взглядом. – Когда ты родила ребёнка, Алия? – повторил свой прежний вопрос. – Соврёшь мне ещё раз и крупно пожалеешь, – предупредил следом. – Всё, что случилось с тобой в прошлом – ничто, в сравнении с тем, что случится в будущем, если продолжишь меня злить.

Паника набрала обороты.

Рассказали...

Что именно мальчишки ему рассказали?

Возраст? То, что он мой сын? Что у него нет отца?

Что именно?

Впрочем, и одного пункта достаточно, чтобы Нияз сделал все нужные выводы. Иначе бы не стоял здесь, не обвинял.

Грудь пронзила очередная тупая ноющая боль. Я опять мысленно вернулась в точку, когда разрушилась моя жизнь. Сейчас тоже рушилась, а я раскрытой ладонью пыталась удержать её крупницы. И не получалось.

– Фархат не твой сын, если ты вдруг так решил из чужих рассказов, – заставила себя выдать эти слова. – Он... результат моего предательства.

И ведь правда. Я на тот момент даже не знала, что беременна. Узнала много позже. Но не вернулась. Зачем? Чтобы на меня вновь вылили тонну обвинений, а то и хуже чего придумали? Нет уж.

Ниязу мои слова не понравились. В считанные мгновения

преодолеет разделяющее нас расстояние, а его рука сомкнулась на моём лице. Пальцы больно впились в челюсть и подбородок, вздёрнули выше. Карие глаза двумя острыми иглами впились в мои.

– Я разве не сказал, чтоб ты не злила меня? Или у тебя память короткая? – процедил сквозь зубы, нависая надо мной грозной скалой, в ответе вовсе не нуждался, тут же продолжил: – Говоришь, этот ребёнок от того отродья, с которым ты путалась, пока я был занят работой, чтобы обеспечить нашу семью? Тогда почему мальчик похож на меня?

Ни с кем я не путалась!

Очень хотелось прокричать ему эти слова. Но я не стала. Зачем? Он не поверил мне тогда, сейчас тем более не стал бы. Это бы значило, что он допустил ошибку. Оскорбил невинную девушку. Но он же мужчина, он не мог так ошибиться. И я не собиралась развеивать его веру. Не нужно мне его прощение. Пусть просто исчезнет из нашей с Фархатом жизни, как не было его раньше. К чему ворошить прошлое?

Но Нияз не из тех, кто когда-нибудь отступал или уступал. И меня сейчас держал крепко.

– Не на тебя. Не на него. На меня. Он похож на меня, – возразила со всем возможным спокойствием.

Нияз мне ни капли не поверил. Карий взор окончательно посмурнел. Пальцы усилили давление, с которым удерживали моё лицо, вынуждая смотреть ему прямо в глаза. Некогда безумно любимые. Сейчас – ненавистные.

Я доверяла ему. А он даже выслушать меня не захотел. Зато, шесть лет спустя, явился и требует сказать ему правду.

Пусть идёт к шайтанам!

– Ты так и не сказала, когда ты родила его, Алия, – продолжил давить.

И не скажу. Ни за что!

Лучше быть битой, униженной, сломанной – чем снова отдать ему власть над моей жизнью. Чем позволить ему узнать правду и использовать её как оружие, способное оборвать мою жизнь.

– Ты мне больше не муж, Нияз, чтобы что-то требовать. А я не обязана тебе ничего отвечать. К тому же...

Я говорила слишком спокойно для того урагана, который в данный момент рвал меня изнутри. Да и не договорила. Взгляд скопился на удерживающую меня руку. На безымянном пальце в ярких солнечных лучах поблескивало обручальное кольцо. На нём я и зависла.

Со мной Нияз никаких украшений не носил. Считал это слабостью, насмешливо бросал, что мужчина не должен «обвешиваться побрякушками». А теперь, выходило, носил. Значит, для другой это оказалось более важным.

– ...у тебя без меня есть, у кого ответы требовать по поводу наследника, – закончила, наконец.

Слова дались тяжело, будто каждое из них приходилось проталкивать сквозь застрявший в груди ком.

Интересно, как давно?

Впрочем, нет. Не интересно. Просто в очередной раз больно. Но это чувство я давно научилась в себе глушить и не показывать другим. И уж точно не тому, кто отказался от меня, не дав ни единого шанса оправдаться.

– Есть или нет, не твоё дело. Ты же не думала, что я буду тосковать по такой, как ты, всю оставшуюся жизнь? – произнёс Нияз уже с отчётливым презрением. – Но если этот мальчик мой, то жена ты мне или нет, это уже не имеет значения. Мой сын будет жить со мной. Ты знаешь традиции. И в этом у тебя нет права голоса, женщина.

Последнее слово ударило наотмашь.

«Женщина».

Не по имени. Как по пустому месту.

А ведь раньше он не позволял себе так говорить со мной. Никогда. Даже в ссорах, даже в ярости. Раньше... Очень и очень давно.

Вот ведь как бывает. Один случай способен разрушить всю твою жизнь. А люди, которые когда-то клялись в любви, превратиться во врагов. Холодных, беспощадных, уверенных в своей правоте.

– Вот пусть твой сын и живёт. А мой останется со мной, – ответила я без тени сомнения.

Слова прозвучали твёрдо. Даже слишком.

Знала ли, что делала, бросая ему столь открытый вызов?

И да, и нет.

Часть меня выла от ужаса. Потому что я выросла в мире,

где женщину учили быть кроткой, терпеливой, послушной воле мужа. Где сопротивление считалось дерзостью, а молчание – добродетелью.

Но и Нияз уже давно не являлся моим мужем. И мои кротость и смирение тоже давно изжили себя. Наш развод тому очень хорошо поспособствовал. Поэтому я продолжила упрямо смотреть ему в лицо и молчать.

Мужчина ещё с некоторое время простоял, глядя на меня с мрачностью. Ждал. Искал трещину. Момент, когда я дрогну, опущу взгляд, отступлю. Раньше именно так и происходило всегда. Но то было раньше. С тех пор я выросла, стала сильнее. Закалилась.

Бывший муж тоже это понял, наконец. Отпустил. Показалось, даже испытал какое-то удовлетворение от моего сопротивления, уголки его губ дрогнули.

Нет. Не из-за этого.

– Раз ты продолжаешь врать, анализ ДНК определит правду. И когда всё выяснится, ты пожалеешь о каждом своём лживом слове, Алия. Я заставлю тебя пожалеть.

Это было не обещание. Это был мой приговор.

А он развернулся, собираясь уйти.

– Я уже жалею. Что когда-то влюбилась в тебя и согласилась стать твоей женой. Ты этого не заслужил.

Слова вырвались сами собой. И только когда Нияз обернулся, ошпарив меня гневом в своих тёмных глазах, я поняла, что сказала это вслух.

Приготовилась дать отпор. Собралась. Напряглась. Но на этот раз не понадобилось. Мужчина мотнул головой и быстрым шагом покинул поляну.

Я дождалась, пока его спина скроется за кустами деревьев и упала на траву. Ноги не держали. Всю трясло.

Всевышний, помоги мне!..

А через мгновение подскочила обратно на ноги.

ДНК? Он сказал, ДНК?!

В крови адреналин полыхнул, как бензин от одной спички. Мысли оборвались. Остался только заново поднявший голову страх. И имя сына. Ноги отдельно от разума понеслись на поиски Фархата.

Нашла. Играющего с Сабитом и Мурадом возле фонтана. А рядом с ними в самом деле обнаружился Нияз.

Перед глазами повисла туманная пелена. Мир сузился до одной точки. Вмиг оказалась подле них, с силой отталкивая бывшего мужа от своего мальчика.

– Не приближайся к нему, – велела не своим голосом. – Я же сказала, это мой сын. И я его никому не отдам. Никогда.

Вот теперь я, похоже, в самом деле удивила Нияза. Потому что всегда собранный он не смог скрыть растерянности от моего поступка. В следующий миг криво ухмыльнулся.

– Вот ты и выдала себя, Алия, – произнёс мрачно. – Собирай вещи сына. Я его забираю.

Глава 3

«Я его забираю» отразилось в разуме тревожным перезвоном колокольни. Гулким, навязчивым. Таким, от которого закладывает уши и темнеет в глазах. Сердце в груди тяжело и неровно бухнуло ещё пару раз. А затем будто замерло, перестав подчиняться телу.

– Нет, – выдохнула я, делая шаг в сторону, закрывая собой Фархата так, чтобы Нияз больше не мог его видеть.

Это движение вышло инстинктивным. Животным. Как у матери, которая заслоняет детёныша от удара.

– Не устраивай сцен, Алия, – укорил он холодно. – Мы оба знаем, что всё будет по-моему.

Слова прозвучали так буднично, будто речь шла не о ребёнке, а о вещи, о праве собственности, о чём-то решённом заранее.

– Отдай мальчика, Алия, – повторил бывший муж. – Не вынуждай применять силу.

Вокруг стало слишком тихо. Я кожей почувствовала, как кто-то из местных подошёл ближе. Потом ещё. И ещё.

– Здесь никто никого силой не забирает, – прозвучал за моей спиной спокойный, но жёсткий голос Фарида – мужа Мадины.

– Это частная территория, – поддержал его Сабир, один из старших официантов, – и здесь действуют правила её хо-

зяина.

Несколько мужчин встали полуколем. Не агрессивно. Просто обозначая границу. Я не посмотрела на Нияза. Не смогла. Взгляд был прикован к траве у ног сына, к его маленьким сандалиям, в которых он ещё недавно бегал к фонтану и смеялся.

– Ты отказался от меня, – произнесла я глухо, почти шёпотом. – Я больше не твоя жена. И не подчиняюсь твоим правилам.

– Ты родила сына. И скрыла это от меня.

Я сжала пальцы, комкая край туники так, что ткань врезалась в кожу.

– Фархат мой ребёнок.

– Нет, – отрезал Нияз без колебаний. – Он мой. Ты сама это подтвердила своей нелепой выходкой. И мой сын будет жить со мной.

Каждое слово било точно. Холодно. Без сомнений.

– Ты женат, – напомнила я. – У тебя другая семья.

– Это не имеет значения, – отрезал бывший муж. – Мальчик не будет расти без отца. Его место в моём доме.

– Однажды ты уже лишил меня всего, – прошептала я. – Больше не получится.

– Ты знаешь традиции. Это решать не тебе, – ответил Нияз.

В этих словах было всё: власть, привычка приказывать, уверенность в собственной правоте. От этого становилось

вдвойне тошно.

– Традиции бывают разные, – негромко произнёс кто-то из гостей.

Оказывается, и часть из них привлёк устроенный скандал.

– А детей силой от матерей отнимать – это не традиция, – отозвалась пожилая женщина, чьё имя я даже не знала.

– Это уже беспредел, – добавил мужчина в годах рядом с ней, покачав головой.

Шёпот прокатился по поляне. Не крик. Не скандал. Но Нияз его услышал.

– Я не позволю тебе причинить боль ещё и сыну, – отозвалась глухо уже я.

Нияз поджал губы, сжал кулаки. В карих глазах впервые мелькнуло нечто далёкое от гнева. На долю секунды. Можно было бы принять это за сожаление, если бы я не знала его так хорошо. Но я знала. В конце концов, это именно он приказал отрезать мне волосы и выставить с позором за ворота. Спасибо, не поддержал идею забить меня камнями, как предлагала его жестокая мать и гласил завет предков. Ограничился, так сказать, малым.

Но даже так...

Я не прощу. Никогда.

Такое просто-напросто невозможно простить.

– Если ты действительно думаешь о благе сына, – сказал он, – тогда делай, как я велю. Не устраивай ещё большее представление.

С губ сорвался смешок. Резкий. Нервный. Я не смогла его сдержать.

– Благо? – посмотрела на него с недоверием. – Быть с тобой – это ты называешь благом?

Смех вышел уже с горьким привкусом. Как моя жизнь.

– Чтобы потом твои родственники уже его выставили из твоего дома с позором, если им что-то в нём не понравится, а изменить не получится? – продолжила уже сухо. – Спасибо, не надо. Если тебе нравится так жить – живи, Нияз. А я и мой сын останемся там, где нам действительно хорошо. Где нас по-настоящему любят. И я уже сказала – это не твой сын.

Он прищурился. Взгляд стал острым, предупреждающим. Но я не отвела глаз. Смотрела спокойно, вопреки тому, как недавно ещё была готова броситься на него с кулаками.

– Ты поэтому накинулась на меня, как бешеная тигрица? Потому что он не мой? – склонил голову, не сводя с меня взгляда. – И чей же тогда?

Я открыла рот, чтобы ответить привычное «Мой». Но не успела. Со стороны дома послышался перестук шагов. Тяжёлых. Уверенных. А затем территорию пацхи разрезал громкий, спокойный голос дядюшки Турсуна:

– Фархат – мой сын.

На округу опустилась тишина. Плотная. Нереальная. Я затаила дыхание, глядя на Нияза. Его челюсть сжалась так сильно, что побелели скулы. Он не поверил услышанному и даже не пытался этого скрыть.

– Когда годы давят на плечи, врать опасно, – повернулся на голос. – Всевышний не глухой.

Вышло грубо, но в целом правдиво, а потому я нервно закусила губу, покосившись на дядюшку Турсуна. Но тот и бровью не повёл. Как смотрел на Нияза со всем присущим его годам невозмутимым спокойствием, так и продолжил.

– С самого рождения Фархата я был ему опорой, защитой, стеной и учителем. Я учил его ремеслу, уважению и вере. Ко мне он сделал свой первый шаг. Моё имя стало первым, которое он произнёс. Так кто же я ему, если не отец?

Теперь на Нияза стало по-настоящему страшно смотреть. Лицо стало белым полотном, губы сомкнулись в тонкую линию. Сжатые в кулаки ладони громко хрустнули. Ноздри широко раздувались от обуявшего его гнева, которым он прожёт меня, заставив отступить на полшага. Фархат за моей спиной растерянно вцепился в мои ноги. Даже Мурад притих, хотя обычно при любом удобном случае стремился всех облизать и укусить.

Провела ладошкой по волосам сына в успокаивающем жесте.

Всё будет хорошо, маленький...

Хотя уверенности в том у меня не было.

– Вы правы, – наконец произнёс Нияз. – Ваша забота неоценима. Но теперь мой черёд.

– Это решать не нам, – спокойно ответил дядюшка Турсун. – Это решать Алие.

Хорошие слова. Но они не принесли облегчения.

– Она женщина и обязана подчиняться.

– Верно. Но всё же она мать, выносившая, родившая и вырастившая Фархата. И никто не может забрать у неё это право.

Несколько человек согласно кивнули.

– Верно сказано, – отозвался кто-то.

– И на этом спор окончен, – подвёл итог Фарид.

Нияз огляделся. Впервые – внимательно. Вероятно, наконец понял, что силой он сегодня ничего отсюда не сможет взять. Хотя и тогда не успокоился. Сперва долго смотрел на нас. Молчал. Потом всё же вынужденно кивнул.

– Хорошо. Я уйду сейчас. Но вернусь, – последнее адресовал уже непосредственно мне. – А ты пока подумай, как именно ты хочешь, чтобы прошла эта наша новая встреча. Больше мирных переговоров не будет, Алия.

Он сделал шаг назад. Потом ещё один. Не от меня – от всех сразу. И только когда его фигура скрылась за деревьями, напряжение, державшее меня на ногах, отпустило.

Не сразу.

Сначала мир просто поплыл, как в жару над раскалённым асфальтом. Звуки стали глухими, будто я нырнула под воду. Голоса вокруг ещё что-то говорили, кто-то, кажется, даже звал меня по имени, кто-то пытался шутить, разрядить обстановку, но всё это проходило мимо.

Сердце ударило раз.

Второй.

Третий.

И вдруг сбилось.

– Алия... – голос Мадины прорвался сквозь ватную тишину. – Алия, ты меня слышишь?

Я попыталась кивнуть и не смогла. Колени подогнулись, ноги стали ватными, будто чужими.

– Всё, – твёрдо сказала она кому-то за моей спиной. – Хватит здесь стоять. Не видите что ли, что ей плохо?

Я почувствовала, как меня аккуратно, но настойчиво подхватывают под локоть. Потом второй. Меня почти несли, а я цеплялась за это ощущение – за руки, за плечо, за знакомый запах Мадины, как за единственное, что ещё держало меня в реальности.

– Тихо, тихо... – шептала она. – Всё уже. Всё прошло. Ты молодец. Ты слышишь? Ты сильная.

Сильная.

Слово отозвалось пустотой. Сейчас я не чувствовала себя сильной. Я чувствовала себя выжатой до последней капли.

Мы шли долго. Или мне так показалось.

Лестница, коридор, дверь...

Когда Мадина усадила меня на край кровати в моей комнате, мир снова качнулся, и я машинально ухватилась за покрывало.

– Посиди. Я сейчас воды принесу, – сказала она и развернулась на выход.

– Фархат... – вырвалось у меня. – Он где?

– С ним всё хорошо, – заверила Мадина. – Он с Сабитом и Мурадом. Я сказала, чтобы его не отпускали с кухни. Никто к нему не подойдёт, – добавила уверенно. – Я сама тоже прослежу.

Я закрыла глаза. Только теперь, когда непосредственная угроза исчезла, накрыло по-настоящему. Страх, запоздалый и липкий, поднимался изнутри, сжимал горло. В голове снова и снова звучало: *«Я его забираю»*.

Когда Мадина вернулась с водой, я уже немного пришла в себя. Села ровнее, сделала несколько глотков, чувствуя, как холод растекается по горлу, возвращая контроль.

– Полежи немного, – сказала она мягче. – Я за Фархатом схожу.

Я благодарно кивнула. И ещё немного побыла наедине с собой.

Фархат вбежал в комнату почти сразу, как только Мадина открыла дверь по возвращению. С разгона уткнулся мне в живот, обхватил руками, как делал всегда, когда чувствовал, что со мной что-то не так.

– Мам, – пробормотал, прижимаясь щекой. – Тебе сильно плохо, да?

Я сглотнула ком в горле и обняла его в ответ. Крепко. Чуть сильнее, чем обычно.

– Ничего, солнышко, – сказала, целуя в макушку. – Просто устала.

Он поднял голову, внимательно посмотрел на меня своими слишком умными для пятилетнего ребёнка глазами.

– Тот дядя злой, – сообщил он просто.

Я поморщилась. И попыталась улыбнуться.

– Он больше не придёт? – продолжил Фархат, нахмурившись.

Я не ответила сразу. Провела ладонью по его щеке, по волосам, задержалась на линии бровей. Так похож... и так не похож.

– Я не позволю ему тебя обидеть, – сказала наконец. – Никогда.

– Я с тобой, – серьёзно кивнул он. – Я никуда без тебя не пойду.

Сердце сжалось.

– Не пойдёшь, – улыбнулась я, заставляя голос звучать уверенно.

Мы посидели так ещё какое-то время. Фархат рассказывал про Мурада, про то, какой вкусный сегодня приготовили хаш, как Сабит научил его прыгать с бортика аккуратно, чтобы не поскользнуться. Я слушала, кивала, впитывала каждое слово, каждый вдох, как запас воздуха перед долгим погружением.

Стук в дверь прозвучал неожиданно.

– Алия Юсуфовна... – тихо позвала Лейла. – Можно?

Я подняла взгляд на дверь.

– Заходи.

Она вошла осторожно, будто боялась сделать лишний шаг. Руки сцеплены, плечи напряжены, глаза бегали туда-сюда под ногами.

– Там... – начала она и осеклась.

Потому что дверь распахнулась шире – резко, уже без стука. Лейлу буквально отодвинули в сторону. Не толкнули – хуже. Как мебель. Как нечто, что не заслуживает даже внимания.

– Выйди, – бросила... Халиса Сабитовна.

Лейла замерла, растерянно глядя на меня. Я кивнула ей – коротко, почти незаметно. Поднялась на ноги, продолжая держать Фархата на руках. Девушка поспешно вышла и прикрыла за собой дверь. Свекровь осталась.

Она не спешила. Не кричала. Не суежилась. Прошла вглубь комнаты, остановилась, огляделась – медленно, оценивающе, словно проверяла, где и как я теперь живу. Где спряталась. Где посмела укорениться. Потом её взгляд упал на Фархата. И в нём не было ничего, кроме холодного расчёта.

– Значит, правда, – произнесла Халиса Сабитовна наконец. – Родила.

Я промолчала, лишь прижала сына ближе к себе. Он тут же крепко вцепился в мою одежду своими маленькими пальчиками. Карие глазки широко раскрылись, глядя на незнакомку с долей страха. После всех слов Нияза, наверняка, боялся, что кто-то нас всё-таки скоро разлучит.

Бедный мой...

За одно раннее утро столько всего уже свалилось на его хрупкие плечики. А Халиса Сабитовна самое худшее испытание из всех. У меня у самой внутри при виде неё всё опять задрожало. Что уж говорить о пятилетнем мальчишке, с которым никогда не общались в таком тоне. Надо было отправить его с Лейлой, но что уж теперь...

– Я сразу поняла, что ты на это способна, – продолжила бывшая свекровь с отчётливым презрением. – Такие, как ты, всегда думают на несколько шагов вперёд.

Я вздохнула.

Мало мне Нияза было, теперь ещё её слушать приходилось.

Я бы и не слушала, но есть такой тип людей, которые пока не выговорятся, не сольют свой яд, не успокоятся и так и продолжают искать встречи и давить. Поэтому тут было проще сдаться и выслушать, чем пытаться выставить её вон. Отделаться одной единственной встречей, чем бегать от всех последующих. Да и сил уже не осталось спорить с кем-то. Хотелось поскорее остаться с сыном наедине.

Как же быстро они активизировались оба...

Признаться честно, я такого не ждала. Всё же расстояние от их дома до пацхи не один десяток километров, а за окном ещё раннее утро. Мы только-только открылись. А они уже здесь.

– Уходите. Сейчас же, – потребовала у женщины тихо,

чтобы не пугать Фархата.

Халиса Сабитовна усмехнулась – тонко, почти снисходительно.

– Думаешь, я пришла скандалить? – прищурилась она. – Нет. Я пришла поговорить. По-взрослому, – сделала шаг ближе. – Думаешь, я не знаю? Не догадалась? Ты ведь специально родила. Чтобы потом прийти и шантажировать. Чтобы тянуть деньги из моего сына. Чтобы напоминать о себе. Чтобы однажды сказать: «Вот он, наследник Караевых».

Я в очередной раз поразилась вывертам её логики. Впрочем, эта женщина всегда видела во всём, связанном со мной, только плохое. По её мнению, я портила Нияза, делала его слабым, мягким, зависимым от себя. Видимо, решила, что снова испорчу. Теперь уже через Фархата.

– Вы сошли с ума, – покачала я головой. – Мой ребёнок...

Хотела сказать, что он не разменная монета, но не вышло.

– Не надо, – оборвала меня Халиса Сабитовна. – Не надо играть в *мать* при мне. Я таких слёз насмотрелась, что ни одна твоя и рядом не падала.

Она перевела взгляд на Фархата. Не с ненавистью. По-прежнему с чистейшим презрением смотрела. Тот не выдержал и уткнулся в мою шею, скрываясь таким образом от неприятного ему внимания. Я снова провела ладонью по его волосам.

Потерпи, малыш, скоро всё вернётся на круги своя...

– Думаешь, то, что он носит кровь моего сына, делает его

равным нам? – брезгливо скривилась бывшая свекровь. – Ошибаешься. Он никто. Ничтожество, рождённое женщиной без чести. И такой «наследник» нам не нужен.

Фархат снова вздрогнул. Я почувствовала, как он тихо всхлипнул, уткнувшись лицом мне в шею, и усилила хватку. Внутри планомерно поднималась злость. Можно подумать, нам с ним нужна *такая* семья.

– Ты думаешь, мы позволим ему войти в наш дом? – продолжала она источать свой яд. – Сесть за наш стол? Носить нашу фамилию? Нет, – наклонилась чуть ближе, понизив голос. – Я пришла, чтобы ты это поняла сейчас, Алия. Пока ещё можешь уйти тихо. Пока ещё не слишком поздно.

– И вы хотите, чтобы я?.. – выгнула бровь, глядя на неё вопросительно.

Впрочем, я и без того уже догадалась, ради чего эта злая женщина затеяла данную встречу.

– Исчезла, – ожидаемо закончила за меня бывшая свекровь. – Как будто тебя никогда не было. Уехала. Спряталась. Забилась под какой-нибудь камень. И больше не напоминала о себе. Никогда.

Не удержалась и криво усмехнулась на такое нелепое требование. Которое уже через минуту перестало казаться таким уж нелепым.

– Тогда, возможно, мой сын не станет ломать тебе жизнь окончательно. Ты ведь знаешь, на что он способен. Ты уже видела.

Что ж, тут она была всецело права.

За одним исключением.

– Вы уже один раз решили, что имеете право решать за меня. Во второй раз не выйдет.

На эти мои слова Халиса Сабитовна ответила не сразу. Сперва долго смотрела на меня. Внимательно. Будто впервые допускала мысль, что я не сломалась.

– Набиваешь себе цену? Деньги нужны? – уточнила холодно, потянувшись к своему запястью, с которого стянула широкий золотой браслет. – На, – швырнула мне в ноги. – Бери. И убирайся. Чтобы и духа твоего здесь не было, бесчестная. Иначе, когда мой мальчик придёт за своим, никакие мольбы тебе не помогут. Не слышали в прошлый раз, не услышат и впредь.

Глухой стук золота об пол отразился в голове горьким перезвоном, застрял где-то в горле, придавил сердце. Но я постаралась этого не выдавать.

– Я же сказала, уходите, – единственное, что сказала. – Сейчас же.

Мать моего бывшего мужа желчно усмехнулась. Развернулась к двери. Но не ушла. Не сразу.

– Подумай, Алия, – бросила через плечо. – Женщина без семьи долго не держится. И ты уже однажды это почувствовала на себе. Никому не везёт дважды. Не испытывай судьбу снова. Пожалеешь.

– Я не без семьи. Это только вы так считаете, – отозвалась

я по-прежнему тихо.

Халиса Сабитовна запнулась, а дверь за ней захлопнулась чуть громче положенного. Не сильно, но достаточно, чтобы понять, что её зацепили мои слова.

В комнате наступила долгожданная тишина. Словно и не приходил никто. Только одиноко лежащий на полу браслет напоминал о том, что Халиса Сабитовна действительно здесь была.

Золото холодно блеснуло в полосе солнечного света. Я посмотрела на украшение – и не подошла. Не прикоснулась. Будто это была не вещь, а яд. Медленно опустилась на кровать, прижимая сына к себе. Руки дрожали. Всё тело дрожало – мелко, неуправляемо, словно меня вывели из холода в тепло и теперь ломало.

– Мам... – прошептал Фархат, осторожно поднимая голову. – Кто они? – помолчал секунду, а потом добавил тише: – Почему они нас так не любят? За что?

В груди что-то болезненно сжалось. Я провела ладонью по его спине, по плечам, чувствуя, как под пальцами вздрагивает маленькое тело.

– Они никого не любят, родной, – сказала я, как есть. – Поэтому.

Он задумался. По-взрослому. Слишком рано.

– А ты меня любишь? – спросил вдруг.

Я закрыла глаза, уткнулась лбом в его волосы. Запах солнца, воды, детского шампуня – всё, что у меня было настоя-

щего.

– Больше жизни, – ответила, не колеблясь. – Больше всего на свете.

Фархат кивнул, будто этого было достаточно. Прижался сильнее, устроился удобнее. Вскоре его дыхание стало ровнее. Он уснул. Как дети умеют – быстро, доверчиво, несмотря ни на что. А я ещё долго сидела, не двигаясь. Смотрела в одну точку. Слушала тишину. Внутри гудели тревожным ульем чужие слова: «Исчезни», «Никому не нужен», «Никакие мольбы тебе не помогут».

Я осторожно уложила сына, накрыла пледом, поправила прядь волос на лбу. Выпрямилась.

Дрожь прошла.

Осталась усталость. И ясность.

Я знала, что делать.

Дядюшку Турсуна нашла внизу, во дворе. Он сидел на лавке под старым орехом, сложив руки на коленях. Смотрел перед собой. Будто ждал.

Я подошла и остановилась рядом. Он не повернулся сразу.

– Всё? – спросил спокойно.

– Да, – ответила я. – Она ушла.

Он кивнул. Мы помолчали.

Ветер шелестел листвой. Где-то вдалеке смеялись дети.

– Я согласна, – сказала я наконец. – Выйти замуж.

Слова прозвучали тихо, но уверенно. Без слёз. Без надрыва.

Дядюшка Турсун повернул голову и посмотрел на меня внимательно. Долго. Будто хотел убедиться, что я говорю это не из страха. Не из слабости.

– Ты уверена? – спросил он.

Я кивнула.

– Я больше не могу жить так, будто мы с сыном – добыча. Я не хочу бегать. Не хочу прятаться. Я хочу, чтобы у Фархата была защита. Законная. Настоящая.

Он вздохнул. Медленно. Тяжело.

– Я не стану для тебя мужем в том смысле, в каком был Нияз Караев, – сказал честно. – Но я стану стеной. И именем. И щитом.

– Мне этого достаточно, – ответила я.

Он поднялся, опираясь на трость, и положил ладонь мне на плечо.

– Тогда пусть будет так, – произнёс. – Не из страха. А из силы. Сегодня всё подготовим. Завтра же заключим никах.

Глава 4

Утро началось тихо. Не радостно – именно тихо. Так, как начинается всё по-настоящему серьёзное.

Во дворе пацхи женщины говорили вполголоса. Смеха не было – лишь шорох платьев, звон посуды, приглушённые шаги. Воздух был наполнен запахом свежего хлеба, горячего чая и трав – тем самым запахом, который бывает только в горах и только в такие дни.

Мне помогали одеваться в комнате наверху. Пожилые женщины – те, кто знал, как положено. Они не задавали лишних вопросов, не суетились, не сюсюкали. Всё делали размеренно, с достоинством, будто каждая складка ткани имела значение.

– Сиди ровно, – сказала тётка Зайна, поправляя мне платок. – Не опускай взгляд. Сегодня тыходишь в новый дом.

Лейла хихикнула. Ведь я и так здесь жила. А вот я, поймав строгий взгляд старшей, понятиливо кивнула, сдержавшись. И зачем-то вспомнила, как однажды уже сидела вот так. Только за спиной стояла мать и другие женщины нашего рода. Того самого, который отвернулся от меня, даже не захотев выслушать мою версию событий. Все они тоже легко поверили, что я действительно совершила грех.

На глаза навернулись слёзы, которые я смахнула одним уверенным жестом.

Что толку в этих сожалениях? Сделанного не воротишь, а вот будущее исправить можно.

В зеркале напротив на меня смотрела другая женщина. Спокойная. Собранная. С прямой спиной и глазами, в которых не было тревоги, прочно поселившейся во мне за последние сутки. Я не улыбалась и не чувствовала, что должна.

Это защита, повторяла себе. Это не про счастье. Это про безопасность.

Фархат остался с Мاديной внизу. Я специально не звала его наверх. Не хотела, чтобы он видел меня в таком виде – серьёзной, сосредоточенной, словно перед боем. Пусть для него это будет обычный день. Детям не место в таких узлах судьбы.

Когда мы спустились во двор, я услышала мужские голоса. Негромкие. Уважительные. Там уже был имам. Я видела его со стороны – высокий, седой, с аккуратной бородой. Он говорил с дядюшкой Турсуном, кивая, как человек, который понимает ответственность момента.

Сердце кольнуло.

Но уже не от страха. От странного, осторожного облегчения.

Вот и всё, подумала я.

Сейчас всё закончится.

Я села так, как велели. Руки положила на колени. Глаза опустила, но не до земли – так, чтобы видеть край ковра. Слышала, как кто-то читает молитву. Слова текли ровно,

знакомо. Я знала их с детства. Намеренно повторяла про себя.

И именно в этот момент, когда всё уже должно было идти по давно заведённому порядку, у ворот раздались чьи-то громкие голоса, спор, затем шаги. Неторопливые. Не грубые. Но чужие.

Я подняла взгляд.

Во двор вошли двое мужчин. Городские. В строгих костюмах, без попытки вписаться в происходящее. Они не оглядывались. Шли прямо. Целенаправленно.

Сердце дрогнуло.

Один из них подошёл к имаму и, не повышая голоса, что-то сказал, протягивая папку. Плотную. Официальную. С печатями.

Я не слышала слов. Но видела лицо имама. И то, как оно поменялось. Он нахмурился. Пролистал бумаги. Перечитал. Ещё раз. Поднял взгляд на дядюшку Турсуна. Потом снова опустил в папку. Пауза затянулась. Вокруг стало слишком тихо. Сердце кольнуло нехорошее предчувствие.

– В чём дело? – спокойно спросил дядюшка Турсун, а вот я мысленно приготовилась к самому худшему.

Имам вдохнул. Медленно. Как человек, который не хотел говорить плохие новости, но ему приходилось.

– Я не могу провести никах, – сказал он наконец.

Слова упали в тишину – глухо, тяжело.

Кто-то из женщин ахнул. Я же просто сидела, не сразу по-

нимая смысл.

– Почему?

Голос дядюшки Турсуна остался ровным, но я слишком хорошо знала этот тон. Он появлялся, когда беда была уже рядом.

Имам посмотрел на меня. Потом отвёл взгляд.

– Потому что эта женщина... – он замялся, – ...находится в законном браке.

У меня перед глазами потемнело.

Как это в браке? В каком ещё браке?

– Это ошибка, – сказала я, поднимаясь. – Я разведена. Уже давно.

Имам покачал головой.

– По этим документам – нет. Развода не было. Брак не расторгнут. Муж жив. Соответственно, нет никаких оснований считать вас свободной женщиной.

Слова не доходили сразу. Они словно взяли где-то в воздухе.

– Это... – я сглотнула. – ...невозможно.

Нияз не мог так поступить...

Зачем ему это? Он же сам приказал выставить меня за ворота. Смотрел, как его мать гонит меня со двора взащей, сыпя угрозы одну хуже другой. Но при этом не развёлся со мной? Почему?

Я не понимала. Мне это всё нереальным каким-то казалось.

Это же так глупо: отказаться от жены, но при этом сохранить за ней право рода. Его защиту и привилегии, всё к нему прилагающееся.

Да ну нет, быть того не могло! Нияз же отказался. Отказался! Он бы не стал...

Или стал бы?

Я вспомнила, как уверенно он себя вёл при нашей последней встрече. Будто знал наперёд, что всё так будет. Но почему не сказал? Хотя я бы и не поверила тогда, а у него наверняка доказательств с собой не было.

Всевышний, то есть мой мальчик родился в законном браке? И не только по крови являлся его сыном.

Ох...

Дядюшка Турсун в этот момент уже говорил пришедшими с мужчинами. Спокойно. Коротко. Задавал вопросы. Получал ответы. И по мере того, как они разговаривали, его плечи будто тяжелее становились.

Через несколько минут он подошёл ко мне.

– Алия, – сказал он тихо. – Это правда. Нияз не подавал на развод. Юридически ты всё это время была его женой.

Я смотрела на него и не узнавала собственного голоса.

– Значит... всё это время... – повторила бестолково.

– Да, – кивнул он. – И это значит, что никах невозможен. И на ребёнка у него действительно есть все законные права.

Мир сузился до одной точки.

Это конец.

Я почувствовала, как подгибаются колени. Кто-то подхватил меня под локоть. Женщины заговорили разом, но я их не слышала. В ушах стоял гул, словно в горах перед бурей. Я опустилась обратно на ковёр. Платок вдруг стал тяжёлым, давил на голову. Хотелось сорвать его, вдохнуть, закричать. Но я не могла. Не здесь. Не сейчас.

Имам тихо извинился. Сказал что-то о воле Всевышнего, о том, что истина всегда выходит наружу. Мужчины у ворот стояли молча, будто сделали свою работу и ждали, когда их отпустят.

Никах, которого не будет.

Защита, которой не стало.

Я подняла глаза на дядюшку Турсуна.

– Что теперь? – спросила я.

Он посмотрел на меня долго. Очень долго.

– Теперь, – сказал он, – вы с Фархатом должны уехать отсюда как можно быстрее. Прежде, чем Нияз Караев заявится сюда, как и обещал.

Слова дядюшки Турсуна упали, будто тяжелый камень в воду. А я сначала даже не поняла всю их полноту. Всю ту угрозу, которая теперь над нами нависла. Не потому, что была глупой. Потому что разум отказывался принимать реальность. Ещё час назад во дворе пахло хлебом и мятным чаем, женщины поправляли мне платок и говорили «как положено». Ещё час назад я верила, что судьба, пусть не ласковая, но хотя бы справедливая, оставит мне то, что я выстрадала:

спокойствие, дом, сына.

А теперь... теперь всё снова превращалось в беду.

Я смотрела на дядюшку Турсуна и видела, как у него на лице проступила усталость человека, который слишком многое повидал, слишком много раз вытаскивал людей из беды и каждый раз знал: беда возвращается всегда.

– Алия, – повторил он тихо, – не спорь со мной. Не сейчас.

Я попыталась вдохнуть и почувствовала, как воздух застревает в груди.

– Я не могу... – вырвалось у меня. – Фархат... он же... тут его дом...

– Именно поэтому вы должны уйти первыми, – отрезал Турсун. Голос не стал громче, но в нём появилось железо. – Потому что если Нияз Караев придёт сюда, он уже уйдёт не один. Поняла?

Я кивнула, не уверенная, что понимаю. Но тело уже понимало. Тело реагировало быстрее разума: холод в пальцах, дрожь в коленях, ощущение, что земля под ногами стала скользкой.

– Пока вход ему закрыт, – продолжил Турсун. – Я людям сказал. Мужчины на месте. Бдят. Но это пацха. Не крепость. Рано или поздно он войдёт. Нельзя этого допустить. Вы должны уехать. Сегодня же.

Слово «сегодня» ударило как плеть.

– В Москву? – переспросила я, и язык едва повернулся.

– В Москву, – подтвердил он. – Там ты растворишься. Там

у тебя будет время. Время думать. Время найти выход. Время спрятать сына.

Спрятать.

Опять.

Шесть лет назад я тоже уходила, ничего не имея, кроме страха и боли. Каждый шаг был будто по стеклу. А я думала, что не выживу.

И всё же выжила.

Значит, выживу снова.

– Хорошо, – сказала я, хотя голос и звучал совершенно чужим. – Что мне делать?

Дядюшка Турсун быстро перечислил, словно человек, который уже просчитал всё заранее.

– Бери документы. Ребёнка. Самое необходимое. Никаких чемоданов. Никаких лишних вещей. Ты не в отпуск собираешься, – он задержал взгляд, помолчал секунду. – И не смотри назад.

Меня как ножом резануло.

Не смотри назад.

Да я и так помоедние шесть лет только этим и занималась – делала вид, что прошлого не существует. Пока оно не пришло и не встало у ворот.

Я поднялась наверх. Комната ещё хранила следы утренней подготовки: аккуратно сложенный платок, тонкая ткань, аромат масла для волос. В углу стояли туфли, которые я надевала лишь по праздникам.

Смешно. Праздник закончился ещё до того, как начался.

Я сдёрнула платок и бросила его на кровать. На секунду стало легче – будто сняла не ткань, а чужую судьбу.

Собиралась молча. Механически.

Паспорт. Свидетельство о рождении Фархата. Свидетельство, в котором в графе «отец» стоял прочерк. *Пока ещё* прочерк. Далее – телефон. Деньги – всё, что было в кошельке, и то, что Мадина сунула мне в руку, когда услышала про Москву. Тёплая кофта для сына. Смена одежды. Его любимая маленькая машинка, без которой он не засыпал.

Я поймала себя на мысли: «А если не успеем?»

Пальцы задрожали.

– Мам? – послышался сонный голос.

Фархат вошёл в комнату, потирая глаза.

– Мы куда? – спросил он. – Ты чего вещи берёшь?

Я присела перед ним, взяла его ладони в свои.

– Мы поедem... в поездку, помнишь, я тебе о ней говорила? – сказала я, выбирая слова так, будто это могла быть сказка. – В большой город. Там много машин, много людей, и... мы увидим самолёты.

Глаза сына загорелись.

– Самолёты?! – он тут же оживился. – Я хочу у окна!

И от этого мне стало ещё больнее. Потому что для него это было приключение. А на самом деле побег.

– У окна, – кивнула я. – Обещаю. Только ты будешь слушаться. Хорошо?

Он серьёзно кивнул, как взрослый.

– Я буду, – сказал он. – Я же мужчина.

Мне хотелось расплакаться. Но я лишь улыбнулась.

– Мой мужчина, – прошептала и поцеловала его в лоб.

Мы уезжали тихо. Не так, как обычно происходит – с криками, суматохой, громкими и долгими прощаниями. У дядюшки Турсуна здесь была власть и уважение, и он сделал всё так, чтобы никто лишний не заметил.

Мы вышли через боковой выезд, где редко бывали гости. Машина уже ждала. За рулём сидел Фарид, который встал за меня, когда Нияз требовал «не вынуждать применять силу». Он взглянул на меня, и в этом взгляде было простое: держись. Мадина сунула мне в руку пакет с едой и водой.

– В дороге пригодится, – сказала быстро. Потом обняла меня крепко. – Ты только... живи. Поняла? И сына береги.

– Берегу, – прошептала я. – Спасибо.

Лейла стояла чуть поодаль. Глаза красные, губы дрожали.

– Простите... – выдавила она. – Это из-за меня всё началось...

– Не смей, – резко сказала я. И мягче добавила: – Не из-за тебя. Это началось задолго до тебя.

Я не стала обниматься. Если бы обняла – сорвалась бы. А мне нельзя было срываться. Фархат залез в машину, устроился у окна. Я села рядом, помогла ему пристегнуться. Машина тронулась. И только когда пацха осталась позади, когда деревья сомкнулись над дорогой, а шум воды от водопа-

да стал глуше, я почувствовала, будто у меня вырвали кусок сердца.

Это был мой дом. Мой спасительный остров. Моё убежище.

И я снова покидала родные края.

Дорога до аэропорта казалась бесконечной. Горы сменялись равниной, воздух становился тяжелее, шум громче. Чем ближе мы подъезжали к городу, тем сильнее всё сжималось в груди. Казалось, вот-вот кто-то перегородит нам дорогу, мы никуда не доедем.

Я проверяла документы каждые пять минут. Пальцы сжимали паспорт так, будто это могло спасти. Неудивительно, что это не укрылось от сына.

– Мам? – позвал Фархат. – Ты боишься самолёта?

Я заставила себя улыбнуться.

– Немножко, – призналась. – Но я справлюсь. Ты же со мной.

Мой мальчик гордо кивнул.

– Я тебя защищу.

От столь бесхитростного признания защемило сердце.

– Защищай, – прошептала я и крепко его обняла.

Так мы и провели весь остаток пути в обнимку.

В аэропорту было шумно и холодно. Холод не от температуры, а от воздуха. Стеклянного, равнодушного, чужого. Он пах металлом, кофе и чем-то ещё – тревогой сотен людей, которые спешили, летели, прощались, встречались. Здесь всем

было куда-то нужно. Слишком много людей. Слишком много взглядов. Слишком много камер, следящих за каждым шагом. Я тоже шла быстро, почти бежала, ловя себя на том, что считаю шаги. Раз, два, три – только бы не споткнуться, не остановиться, не оглянуться. Фархат шёл рядом, крепко сжимая мою руку. Его ладонь была горячей, липкой от волнения. Фарид держал дистанцию. Не вплотную, но и не далеко. Я чувствовала его присутствие спиной, как чувствуют охранника или телохранителя: не видишь, но знаешь – если что, он будет первым, кто встанет стеной. Перед самым входом в аэропорт позвонил дядюшка Турсун:

– Вы уже там?

– Да, – ответила я.

Голос сорвался, будто связки больше не слушались.

– Алия... если что... не бойся. Я не оставлю вас.

– Спасибо, – прошептала я. – Спасибо, папа.

Я не называла его так часто. Но сейчас это слово вырвалось само.

– Позвони, как долетишь, дочка. Казбек с женой встретят вас. Не переживай, всё хорошо будет, – закончил наставительным тоном.

Мы распрощались, я отключилась и ещё несколько секунд смотрела на погасший экран, прежде чем убрать телефон. Пальцы дрожали.

Мы вошли внутрь.

Далее нас ждал досмотр на входе. Регистрация на рейс.

Очередь. Табло с расписанием взлётов. Голоса на разных языках. Чемоданы на колёсах. Детский плач где-то слева. Смех справа. Жизнь – обычная, чужая.

Мы прошли регистрацию.

Почти.

Оставалось совсем немного – пройти контроль, выйти к нужным воротам, зайти в самолёт. Сесть, пристегнуться, почувствовать, как самолёт отрывается от земли.

Ещё чуть-чуть.

Я уже почти физически ощущала, как воздух становится легче. После контроля Нияз уже не сможет подойти так просто. Не сможет схватить. Не сможет приказывать. Не сможет...

– Алия.

Голос прозвучал рядом. Слишком близко. Я остановилась резко, будто меня ударили током. Так звучат люди, которые пришли не поговорить. Люди, которые пришли забирать *своё*.

Я медленно повернула голову.

Нияз стоял в двух шагах. Спокойный. Собранный. В тёмном костюме. Без суеты. Без гнева. Без спешки. Как человек, который не сомневается в результате. Будто он не искал нас. Будто он просто-напросто знал, где мы будем, и всего лишь пришёл вовремя.

Мир снова сузился. Как горная тропа над обрывом, где шаг в сторону означает падение.

Фархат крепче сжал мою руку. Так сильно, что пальцы побелели.

— Мам... — прошептал он.

Внутри всё сжалось. Но я подняла подбородок. Заставила себя выпрямиться. Нияз посмотрел на сына. Всего на секунду. Но я увидела. Как что-то мелькнуло в его взгляде. Что-то живое. Человеческое. Почти боль. Но, как мелькнуло, так тут же исчезло, будто этого никогда не было. Да, наверное, всего лишь показалось.

— Думала, успеешь? — спросил негромко муж.

Его голос звучал ровным. Почти ленивым. Я не ответила. Побоялась, что если открою рот, то закричу. Закричу так, что на нас обернутся все. Что выдам страх. Что сломаюсь окончательно.

Фарид шагнул вперёд, закрывая нас собой. Плечи напряглись, голос стал низким, предупреждающим:

— Здесь аэропорт. Не место для разборок.

Нияз даже не посмотрел на него. Просто сдвинулся в сторону. Его взгляд не отрывался от Фархата всё то время, что он доставал из внутреннего кармана пиджака документ, который неспешно развернул и ткнул им в мужское лицо. Фарид, как открыл рот, чтобы снова что-то сказать, так и не смог выдать из себя ни звука. Как и я, смотрел и глазам своим не верил.

Свидетельство о рождении. Новое.

Дальше я в ту сторону не смотрела.

И так всё поняла.

– Это мой сын, – констатировал факт Нияз. – Мать не может никуда увезти ребёнка без согласия отца, так что разборок не будет. Я просто его заберу. Кто встанет у меня на пути, пожалеет.

Слова упали весом бетонной плиты. Придавили. Я почувствовала, как внутри всё осыпается – не с грохотом, а тихо, будто рушится старая стена, к которой не стоило прикасаться.

Мы не улетим.

Самолёт поднимется в небо без нас. Москва останется строкой в билете. А я буду здесь. Перед ним. С сыном за руку. И то, если он позволит и дальше мне её держать.

Выхода больше нет.

Именно поэтому, как бы ни было мне сейчас больно, как бы ни страдала моя гордость, я наступила себе на горло, удавила на корню всё, что испытывала прямо сейчас, и банально взмолилась:

– Нет, Нияз не надо, пожалуйста. Не делай этого. Зачем он тебе? Тебе же шесть лет не было до нас никакого дела. Живи дальше, как жил. Новая жена родит тебе ребёнка. Отпусти нас, Нияз.

Он слушал молча. Не перебивал. Не делал резких движений. Выражение лица также оставалось каменным. Люди вокруг шли, катили чемоданы, смеялись, ругались, проходили мимо, и никто не знал, что в этом маленьком пространстве

между стойками регистрации решалась моя судьба.

Мой жестокий муж сделал шаг ближе. Я машинально отступила, но упёрлась в колонну позади. От холода гранита по спине пробежала дрожь.

– Ты лгала мне тогда, – сухо проговорил Нияз. – Смотрела в глаза и лгала. Потом исчезла. Потом родила. Потом снова лгала – годами, – каждое «потом» звучало как забитый гвоздь в крышку моего гроба. – И сегодня ты тоже собиралась меня обмануть. С никахом. С этим стариком. Со своим бегством. А теперь просишь отпустить?

– Ты сам вынудил меня бежать! – вырвалось из меня. – Ты...

– Ты сейчас не в том положении, чтобы торговаться и что-то требовать, Алия, – перебил мужчина.

Я судорожно вдохнула. И поняла, что во всём этом нас далеко не четверо. Высокие рослые мужчины в тёмной одежде обступили нас со всех сторон. Не вмешивались. Наблюдали. Но так, что были готовы вмешаться в любой момент, применить силу. Фархат тоже их заметил, дёрнулся. Его пальцы сжали мою руку так сильно, что стало почти больно. Хотя едва ли эта боль могла сравниться с той, что буйствовала в моей душе, подобно безжалостному урагану. Мы в ловушке. И Фарид ничем не сможет помочь.

– Мам... – прошептал сын. – Пойдём...

Я прижала его крепче к своему боку. И почувствовала, как подкашиваются ноги. Мир качнулся. Я бы упала, если

бы не Фархат, который всё ещё крепко-крепко держался за меня. Ради него я обязана быть сильной.

И стерпеть, если придётся...

– Не забирай его, – прошептала я с мольбой глядя на Нияз, не заботясь больше о достоинстве. – Я прошу тебя. Он же совсем маленький. Он привык ко мне. Я его мать. Ты же понимаешь... так ему будет хуже.

Нияз и правда всё понимал. Иначе бы не медлил. Ответить тоже не спешил. Стоял и смотрел на нас. Внимательно. Долго. А я, глупая, почти поверила, всего на одну страшную секунду, что он всё-таки дрогнет. Но нет.

– Понимаю, – как отражением моих мыслей, произнёс наконец, снова делая шаг нам навстречу.

И к сожалению, этого оказалось более чем достаточно, чтобы расстояния между нами осталось совсем мало. Как и воздуха. Одной рукой Нияз по-прежнему держал свидетельство о рождении Фархата, где в графе «отец» больше не стоял прочерк, значилось его имя, а другую – сомкнул в кулак, упёрся ею в колонну аккуратно рядом с моим лицом. И сам тоже склонился. Ещё ближе.

– Но и тебе тоже придётся кое-что понять, – продолжил тихо и пугающе ровно, спокойно. – Я никогда не возьму в свой дом такую жену, как ты. Не то что второй. Даже четвертой женой не возьму. То, что я с тобой не развёлся – не твоё благо, Алия. Твоё наказание.

Стало до того мерзко и горько, что в горле встал ком. Я

хотела ответить, но язык прилип к нёбу. К тому же Нияз вообще не нуждался в моём ответе. Почти сразу продолжил:

– Но так и быть, я не настолько чудовище, чтобы насовсем разлучить сына с матерью. Если хочешь присутствовать в его жизни, можешь всё-таки вернуться. Не в качестве жены, конечно. Как прислуга. Тихая. И безмолвная. Будешь обслуживать всех, кто живёт под крышей моего дома. Будешь делать абсолютно всё, что велит. Беспрекословно. И слова против никому не скажешь. Или так. Или больше никогда не увидишь сына.

У меня потемнело в глазах. Секундная слабость захватила внезапно, неотвратимо. И этого вполне хватило, чтобы стены аэропорта отразили громкий возглас Фархата, которого Нияз банально вырвал из моих рук. Фарид тут же попытался вмешаться. Но на его пути встало двое из сопровождения моего жестокого мужа, не позволяя приблизиться.

– Мама! Мамочка! Отпусти меня! Я хочу к маме! – кричал мой сыночек, пока в полном отчаянии бился в чужой крепкой хватке. – Отпусти! Ты злой! Ты плохой! Я не пойду! Не хочу! Не буду! Ма-ама!..

Маленькие кулачки стучали по каменным плечам Нияза. Но тот будто не замечал их. Как и криков Фархата. Моих слёз тоже не видел. Отвернувшись, направился на выход из аэропорта, забирая с собой сына.

Глава 5

Нияз

Дорога тянулась между горами серой полосой. Асфальт был гладким, почти пустым, редкие машины уходили вперёд или оставались позади. Я не всматривался в пейзаж. Вся концентрация уходила в зеркало заднего вида.

Ведь там были они.

Алия сидела, прижав к себе ребёнка. Мой сын спал. Спал слишком крепко, слишком неподвижно, как засыпают дети, чья нервная система больше не справляется с происходящим. Его голова покоилась у неё на плече, ресницы подрагивали, пальцы цеплялись за ткань одежды матери так, будто даже во сне он боялся, что её не станет рядом.

Я смотрел недолго. Ровно столько, сколько нужно, чтобы зафиксировать. Потом переводил взгляд обратно на дорогу и сжимал руль крепче, чем стоило бы.

Не мог не сжимать...

Аэропорт всё ещё стоял перед глазами – стеклянный, холодный, равнодушный. Место, где никто не слышит чужих криков, потому что у каждого свои. Я помнил каждую секунду. Как шёл быстрым шагом, как внутри поднималась тревога, которую я не имел права показывать в первую очередь самому себе. Как пальцы сжимались сами собой в кулаки, когда я увидел табло и понял, что времени почти не осталось.

Последнее злило особенно сильно.

Потому что страх – не то чувство, которое мне свойственно. Но там, среди множества людей, камер и стеклянных перегородок, я отчётливо понимал: если она сядет в самолёт, то я потеряю сына. Снова. Навсегда.

И моя предательница-жена знала это.

Она всегда знала, куда бить.

Мне пришлось потратить немало времени, денег и нервов, чтобы вытащить всё то, что она так тщательно скрывала от меня все эти годы. Новый дубликат свидетельства о рождении – не та бумага, которую выдают за пять минут. Особенно, если мать постаралась вычеркнуть отца из жизни ребёнка. Пришлось подключать людей. Напоминать о связях. Давить там, где по-хорошему не давят. Я успел впритык. Почти на последнем вдохе.

И всё это лишь потому, что она решила снова меня обмануть.

Чего только стоил один этот её фальшивый никак!

До сих пор аж потряхивало от пронизывающей ярости. А внутри снова и снова будто что-то переворачивалось.

Нет, это же надо!

Она почти вышла замуж. Почти закрепила свою ложь религией. Почти снова поставила меня перед фактом очередного предательства.

Как те же шесть лет назад.

А ведь я до последнего не хотел верить. Отказывался. Хо-

тел верить лишь ей. Той, кого любил когда-то больше жизни. Мне даже всё равно было, что тем самым я выставял себя перед всеми полным ослом. Я цеплялся за самый жалкий последний шанс, потому что перестать верить, значит признать, что тебя предали. А я не из тех, кто легко принимает такие вещи.

И не из тех, кто умеет прощать.

Да и разве возможно простить такое?

Я помнил тот день так ясно, будто он был вчера. Как увидел её там, где её было быть не должно. Как свернул следом за ней. Как позвонил и задал элементарный вопрос: «Где ты?». А взамен получил лживое: «У родителей».

Но даже тогда я и подумать не мог, что она...

А через несколько дней получил видео. Оно было коротким. А может и нет. Я в любом случае не смог посмотреть его до конца. Мне и нескольких секунд более чем хватило за глаза. Всего один кадр, который с тех пор преследовал меня всю оставшуюся жизнь: родинка на пояснице той, кто ублажала другого мужчину, стоя перед ним на коленях, как последняя кахба. Я знал эту маленькую аккуратную родинку слишком хорошо, чтобы сомневаться.

Я поступил так, как должен был. Так, как поступают мужчины моего рода.

Холодно. Жёстко. Без оглядки. Без сантиментов.

Тогда мне казалось, что иначе нельзя.

И даже тогда, когда я стоял напротив, смотрел ей в лицо

и ждал, что она хотя бы признается, Алия продолжала всё отрицать. Несмотря на всё происходящее. А я всего лишь ждал правду. Не оправданий. Не слёз. Не истерик. А просто-го признания. И тогда бы всё закончилось для неё.

Но она врала до конца.

И даже сейчас она играла.

Боль. Отчаяние. Сломленную женщину. Так убедительно, что я бы поверил, если бы не знал, какая она великолепная лгунья. Всегда такой, как оказалось, была. Слёзы у неё всегда появлялись вовремя. Вот и в аэропорту Алия смотрела на меня так, будто я настоящее чудовище. Будто я отнимаю. Ломаю. Разрушаю. А на самом деле я просто забирал *своё*.

Разве я не в своём праве?..

В своём.

И, раз уж так...

Решения приняты, дороги выбраны, а назад всё равно не свернуть.

Хотя, учитывая, что путь предстоял нам неблизкий, а мы и без того в дороге уже несколько часов, кое-куда свернуть всё же пришлось.

– Поедим, – заключил уже вслух, останавливая машину перед придорожным кафе.

Алия подняла на меня взгляд. Усталый. Настороженный.

– Фархат спит, – тихо произнесла.

– Тогда подождём, – бросил встречно. – Когда проснётся. На ближайшие сто километров годных мест больше нет.

Ответ не стал ждать. Вышел из машины. Хотя и тогда прекрасно заметил, как она колеблется, как внутри неё идёт борьба – тянуть время или подчиниться. В итоге она наклонилась к ребёнку, осторожно коснулась его щеки и что-то коротко прошептала.

Когда-то я бы многое отдал, чтобы на это смотреть...

Теперь же не знал, кого из нас двоих презирал больше. Её. За предательство. Или же себя. За проявленную слабость.

Я не должен был ей позволять опять вить из меня верёвки. Но...

Вот она. Тут. Снова травила мою кровь и мучила рассудок, пока повторно что-то нашёптывала на ушко сыну. Вскоре Фархат открыл глаза. А я всё это время смотрел на них и думал о том, что как бы ни бесила меня его мать, как бы ни злила её ложь, одно было совершенно ясно: это уже не прошлое, это наша новая реальность. И придётся считаться с ней. Всем.

Кафе оказалось простым. Деревянные столы, запах жареного мяса, свежего хлеба и крепкого чая. Ничего лишнего. Такие места я всегда уважал за то, что здесь не задают вопросов и не смотрят в душу. Просто кормят.

Я выбрал дальний столик у окна, спиной к залу. Чтобы никто не заглядывал в лицо Алие. Чтобы не ловил её чужими взглядами. Чтобы сын мог есть спокойно, а не под прицелом любопытства. В этот момент мне было важно одно: не устроить здесь цирк. Не дать ей ни малейшего шанса превратить

всё в спектакль, как она умеет, как то уже случилось недавно.

Фархат всё ещё держался за руку матери, будто это была единственная опора в мире. Я поймал себя на том, что смотрю на его пальцы. Маленькие, но крепкие. Так держатся дети, которые уже знают: мир может быть небезопасным. И если ты отпустишь, тебя унесёт.

Алия посадила его ближе к себе, почти заслоняя. Делала это автоматически. Инстинктивно. Как кошка, которая прикрывает котёнка всем телом, даже когда никого нет.

Я молча снял пиджак, повесил на спинку стула. Сел напротив так, чтобы видеть их обоих. Не давить. Не нависать. Но и не отдавать инициативу.

– Что будешь есть? – спросил я сына, глядя на него, а не на Алию.

Фархат замер. Его глаза метнулись к матери, словно он спрашивал у неё разрешение одним взглядом. Меня это кольнуло. Жёстко. Неприятно. Потому что ребёнок, который знает отца, не спрашивает взглядом у матери, можно ли ему ответить. Он отвечает. Он не боится ошибиться.

Но я смолчал. Пока.

– Можно, – тихо сказала Алия. – Скажи.

– Шурпу... – выдавил он наконец. – И лепёшку.

– Хорошо, – коротко ответил я.

Подозвал официанта одним движением руки. Тот подошёл быстро. Видно, что привык обслуживать молча и без лишних вопросов.

– Шурпу, – сказал я. – Лепёшку. И чай, – замолчал и больше ничего не собирался говорить, но потом добавил, почти не думая, словно это было естественно, как дыхание: – И хинкал. На двоих. С соусом.

Алия подняла на меня взгляд впервые за всё время. В нём читалось недоверие. Ещё бы. Она любила хинкал. Всегда. Ещё тогда, когда была моей любимой и не предавала меня. Ела и смеялась, когда соус оставался на губах, и я стирал его пальцем. А потом она делала вид, что злится.

Я помнил.

И то, что я помнил, бесило меня сейчас сильнее всего. Потому что память – это не про гордость. Память – про то, что внутри осталось что-то живое. А я не хотел, чтобы во мне оставалось живое по отношению к ней.

– Я не просила, – сказала она сухо.

– Я не спрашивал, – ответил я так же безэмоционально, затем перевёл взгляд на официанта, продолжив: – И к нему мясо. Бульон отдельно.

Официант кивнул и ушёл.

Тишина между нами натянулась, как струна. Вокруг шумели люди, звенела посуда, кто-то смеялся у стойки. Жизнь продолжалась – чужой, глупой, ровной. И это было почти невыносимо – сидеть здесь, как обычная семья в придорожном кафе, когда несколько часов назад моя предательница-жена пыталась увести моего сына за тысячи километров, в другой город, под чужое имя, под чужую крышу, под чужой

никах.

Я смотрел на Фархата и видел слишком многое. Свои черты. Свои жесты. Даже привычку сидеть прямо, не сутулясь. В глазах – тот же упрямый блеск, который я видел у себя в зеркале всю жизнь.

Мой сын. Мой.

И это било во мне, как тяжёлый молот.

Пока ждали заказ, я снова поймал себя на том, что возвращаюсь назад. Туда, где всё сломалось. Шесть лет назад я ведь не просто вычеркнул Алию и пошёл дальше, как она, возможно, теперь рассказывает всем вокруг. Я искал её. Не сразу – да. Не в первый день. Тогда я был слишком зол. Я был ослеплён. Я был унижен. Меня переполняло слишком много ярости. Но когда гнев выгорел, когда внутри осталась лишь пустота и в доме стало слишком тихо, когда ночами перестало хватать воздуха, я начал задавать вопросы.

О ней.

Сначала аккуратно. Потом настойчиво. Потом за деньги.

Я искал её. Я хотел знать, что с ней всё в порядке. Хотел убедиться, что она жива. Хотел знать, что я не перегнул настолько, что она исчезла навсегда.

Но она исчезла. Её не нашли.

Люди, которым я платил, возвращались с пустыми руками. И тогда во мне поселилась вина. Негромкая. Не показная. Вина, которую я никому не позволил бы увидеть. За то, что поступил на эмоциях так жестоко. За то, что не проверил

тысячу раз. За то, что не удержал хотя бы от самого страшного.

Я жил с мыслью, что она могла погибнуть, оставшись совсем одна в этом слишком большом для одиночества мире. Из-за меня.

Шесть лет. Шесть лет эта заноза сидела глубоко, не давая свободно выдохнуть. Даже когда я строил новую жизнь. Даже когда рядом появлялись другие люди. Даже когда мне казалось, что прошлое закрыто.

А теперь она сидела напротив.

Живая.

И оказалось, что всё это время она не просто жила. Она родила.

И скрыла.

От последней мысли пальцы сами собой сжимались в кулаки под столом. Я заставил себя разжать их, чтобы не выдать ни единой эмоции. Едва ли моему сыну на пользу очередной скандал.

Наконец, принесли суп и лепёшку. Фархат ел медленно и осторожно, будто проверял, не исчезнет ли тарелка, если он отвлечётся, хоть на миг упустит из виду её. Я смотрел, как он держит ложку, как морщится, когда горячо, как поджигает губы, и вдруг понял, что превосходно знаю это выражение лица. Я видел его в зеркале каждое утро.

– Вкусно? – спросил я.

Он кивнул, не поднимая глаз.

– Ешь спокойно, – сказал я. – Не торопись. Мы никуда не спешим.

Алия резко подняла голову. В её взгляде вспыхнуло что-то острое, как нож. Но она промолчала.

Фархат чуть расслабил плечи. И это было... странно. Чуждо. Непривычно. Видеть, как ребёнок реагирует на мой голос. Не пугается. Не закрывается. Просто прислушивается. Будто во мне есть что-то, чему он действительно может довериться, хотя ещё толком не знает, кто я для него.

– А мы... далеко едем? – спросил он спустя минуту, набравшись смелости.

Вопрос был простой. Детский. И от этого ударил сильнее любого взрослого обвинения.

– Домой, – ответил я. – Ко мне домой.

Он снова посмотрел на Алию. Она молчала. Губы сжаты. Взгляд усталый. Но она не сказала ни слова против. И это удивляло. Раньше она всегда говорила. Всегда спорила. Всегда пыталась выкрутиться.

Теперь – молчала.

– Там будет... хорошо? – снова спросил Фархат.

Я на секунду замешкался. Потому что «хорошо» – понятие относительное. Но в одном я был уверен, и эту уверенность я мог дать сыну, даже если презирал его мать.

– Там будет безопасно, – сказал я. – Я за это отвечаю.

Он подумал. Потом кивнул.

И в этот момент внутри что-то дрогнуло. Не сломалось.

Именно дрогнуло. Потому что он поверил. Не Алие. Мне.

Принесли хинкал. Алиа не притронулась. Сидела прямо, руки сцеплены, взгляд опущен, будто еда её не касалась. Будто она не живой человек, а только оболочка, которая держит ребёнка и терпит.

– Ешь, – сказал я ей коротко.

– Я не хочу.

– Ешь, – повторил я ровно, без нажима, но так, что это уже не было просьбой.

Она подняла на меня взгляд. В нём мелькнуло раздражение.

– Зачем тебе это? – спросила глухо. – Делать вид, что ты заботаешься?

Я наклонился чуть ближе, чтобы сын не слышал.

– Не делай из меня дурака, Алиа, – сказал я тихо. – Я делаю то, что считаю нужным. Ты здесь вовсе не причём.

Она отвернулась, но спустя минуту всё же коснулась еды. Не потому что хотела. Весь её облик выдавал обратное. Скорее просто потому, что поняла – спор бесполезен. И в этом было что-то странно горькое. Ведь когда-то она ела при мне легко. Смеялась. Жила. А теперь сидела как на допросе, и я не мог решить, что во мне сильнее – злость или боль.

Когда Фархат отвлёкся, глядя в окно и жуя лепёшку, я сказал тихо, так, чтобы слышала снова только она:

– Ты могла сказать.

Моя жена-предательница напряглась.

– Тогда. Потом. Когда угодно, – продолжил я. – Но ты выбрала молчать.

– Ты бы не поверил, – ответила она глухо.

Я усмехнулся. И зачем-то признал вслух:

– Я искал тебя. Ты это знаешь?

Она вздрогнула. Совсем чуть-чуть, но я заметил.

– Искал, – повторил я. – Хотел знать, что ты в порядке. Хотел убедиться, что ты... – замолчал, и так и не договорил.

Слова были лишними. Вина за собственную жестокость, которую я носил, не давала ей оправдания. Она могла исчезнуть из страха, но она не имела права исчезнуть с моим сыном. Тем более навсегда.

Алия отвернулась. Разговор на этом закончился.

По крайней мере сейчас.

Мы доели почти в тишине. Я расплатился. Фархат вытер рот салфеткой так аккуратно, будто боялся испачкаться. В этом была взрослая осторожность, которой у детей быть не должно. Это тоже неприятно кольнуло.

На выходе он неожиданно шагнул ближе ко мне. Не вплотную. Но достаточно, чтобы я это заметил.

– Ты... – начал он и запнулся. Потом выдохнул: – Ты правда мой папа?

Я остановился. Присел, чтобы быть с ним на одном уровне. Посмотрел прямо в глаза.

– Да, – сказал я. – Правда.

Он кивнул. Без слёз. Без истерики. Просто принял, как

факт.

Мы вышли на улицу. Воздух был холоднее, чем в кафе. Я открыл заднюю дверь, помог Фархату сесть, пристегнул ремень так, как делал бы это любой отец. Алия замерла рядом, словно не знала, стоит ли позволять мне эти движения. Потом молча села рядом с ним. Я обошёл машину, сел за руль, завёл двигатель. Мотор заурчал ровно, спокойно.

И мы снова выехали на дорогу.

После кафе дорога снова растянулась, как бесконечная полоса между горами, и всё это время мы почти не произнесли ни слова. Фархат заснул минут через двадцать после того, как мы выехали, голова снова опустилась на плечо Алии, а её рука рефлекторно обняла его, словно так она могла закрыть сына от всего мира. Я видел это в зеркале, хотя делал вид, что смотрю на дорогу, а на самом деле следил за тем, как она дышит, как поправляет ему волосы, как иногда сжимает губы, когда машина попадает на неровность.

За несколько часов пути тишина в салоне стала плотной, вязкой. Иногда Алия шевелилась, будто хотела что-то сказать мне, но каждый раз замолкала ещё до того, как вдохнуть. Я понимал, почему. Любое слово могло сорвать меня. Любое слово могло дать ей надежду или, наоборот, стать ударом. А давать ей надежду я не собирался. Не после аэропорта. Не после попытки снова исчезнуть. Она сама выбрала этот путь.

К вечеру горы темнели, и дорога стала уже. Я свернул на знакомый поворот, миновал пост и длинную подъездную ал-

лею. Высокие фонари мягко подсвечивали каменную кладку забора, кованые ворота и узорчатые решётки, которые отбрасывали на асфальт строгие тени. Этот дом строили не для того, чтобы в нём было уютно. Его строили для того, чтобы он внушал уважение, напоминал каждому, кто въезжает, здесь живёт человек, у которого есть имя, власть и определённый порядок.

Камень. Дерево. Тяжёлые двери. Широкие ступени. Высокие окна с тёмными рамами. Внутри – просторный холл с мраморным полом, лестница с резными перилами, ковры ручной работы, приглушённый свет, запах дерева и традиций, которые впитали стены. Этот дом построил мой отец. И это последнее, что он успел сделать, прежде чем его не стало.

Я заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, словно собирался с силами. Потому что дальше начиналось то, чего я действительно не хотел. Не разговор с Алией. Не детская. А моя мать.

Я вышел из машины наружу первым, открыл заднюю пассажирскую дверь и увидел, что Фархат так и не проснулся. Алиа уже потянулась поднять его, но я остановил её одним коротким жестом.

– Я сам.

Она смотрела на меня настороженно, будто ожидала подвоха даже в этом. Но подвоха не было. Я поднял сына на руки осторожно, так, чтобы не разбудить. Он был лёгкий. Слишком лёгкий. И от этого внутри снова кольнуло злостью,

направленной не на ребёнка, а на её жизнь без меня. На её выбор. На её молчание. Алия шла рядом, молча, напряжённая, как струна. Когда мы вошли в дом, её взгляд метался по холлу, по лестнице, по высоким потолкам, по дверям, за которыми скрывалось всё, что она когда-то знала. Я видел, как она держит спину прямо, будто не хочет выглядеть слабой. И это было почти смешно. Слабой она стала не сейчас. Слабой она стала тогда, когда решила, что сможет сбежать и спрятаться навсегда. Но я не сказал этого вслух.

Я поднялся по лестнице, прошёл по коридору, где ковёр глушил шаги, и открыл дверь в детскую. Как только я понял, что Фархат – мой, я дал распоряжения, и здесь всё изменили за считанные часы. Новая кровать с резной спинкой, мягкое постельное бельё, игрушки, книги, шкаф с одеждой по возрасту, маленький столик для рисования, даже ночник в виде луны. Детская в этом доме выглядела почти неправдоподобно мягкой на фоне общей строгости, но я решил, что пусть хоть в этом у моего сына будет всё, как должно быть для его лет.

Я уложил сына на кровать. Он заворочался, пробормотал что-то невнятное, но не проснулся. Алия тут же присела рядом, поправила ему одеяло и коснулась лба, словно проверяя температуру. Движение было настолько материнским, что на секунду меня накрыло раздражение. Она столько лет была матерью моего сына одна. Без меня. Без моего слова. Без моего участия.

Вдох-выдох, Нияз...

– Останься пока здесь, с ним, – сказал я. – Дверь не запирается. Ванная рядом. Я сейчас спущусь вниз ненадолго, потом вернусь и обсудим остальное, выделим и тебе комнату.

Алия подняла на меня взгляд. В нём вспыхнуло негодование.

– Я буду рядом с сыном, – произнесла твёрдо. – Не буду жить отдельно, мне не нужна другая...

Уверен, она сказала бы много чего ещё. Но я не позволил.

– Не спорь, Алия. Не сейчас, – поднял ладонь. – Я не хочу, чтобы Фархат услышал и проснулся. Время уже позднее.

Её губы сжались, и пусть неохотно, но она кивнула. А я вышел, прикрыв дверь. И только тогда позволил себе сделать вдох полной грудью.

Самая лёгкая часть моего решения позади. Дальше будет сложнее.

Я спустился по лестнице, свернул в другую часть дома и ещё на середине коридора услышал голос матери. Она всегда умела говорить так, что её слышал весь дом, даже если она говорила тихо. Сказывалась привычка быть главной женщиной и хозяйкой. Во всём.

– Он привёз её? – донеслось из гостиной. – Он правда привёз её сюда?!

Я вошёл, и мать мигом подскочила мне навстречу. Даже платье на ней сидело так, будто она заранее готовилась к бою: идеально гладкое, тёмное, строгий ворот, золотая брошка на

груди. В её взгляде было столько презрения, будто она смотрела не на сына, а на чужого мужчину, переступившего порог без приглашения.

– Ты с ума сошёл, Нияз? – её голос был полон плохо сдерживаемой ледяной ярости. – Ты привёл эту... в мой дом?

Я остановился в нескольких шагах. Не приближаясь. И не отступая.

– Он не только твой, – поправил я спокойно.

Всех, кто находился в этот момент в комнате, помимо неё, как ветром сдуло. Даже дверь в коридор прикрылась бесшумно.

– Не только мой? – её брови взлетели вверх, едва мы остались вдвоём. – Что это значит? Ты привёл сюда эту падшую женщину, опозорившую наш род, и думаешь, что я буду молчать, раз он *не только* мой? Ты это хочешь мне сказать, да, Нияз?

Она говорила быстро, будто боялась, что я перебыю и оборву словесный поток. Но я не перебивал. Я давал ей выговориться ровно настолько, чтобы потом поставить точку.

– Ты будешь молчать, – сказал я так же ровно.

Её на секунду заклинило. Мать моргнула. Как будто не поверила, что услышала это от меня. Потом её лицо дрогнуло, как от оскорбления.

– Как ты смеешь?! – возмутилась в сердцах. – Ты из-за неё со мной так разговариваешь?!

– Я из-за сына так разговариваю, – ответил и почувство-

вал, как внутри будто что-то сдвинулось вместе с прозвучавшими словами.

Не жалость. Не любовь. Ответственность.

– Сына? – мать зло усмехнулась. – Да что это за сын от такой матери? Он тебе зачем? Чтобы потом тебя этим же ребёнком шантажировали всю жизнь? Чтобы она тянула из тебя деньги? Это не наследник. Это...

– Следи за своей речью, мама, – оборвал все намечающиеся оскорбления я. – Дважды подумай, прежде чем продолжишь. У всего есть границы. В том числе для тебя.

В комнате стало тихо. Даже воздух будто замер. В доме, где Халиса Караева привыкла годами говорить всё, что думает, и всегда быть услышанной, мои слова прозвучали как невозможность. Мать побледнела.

– Ты... ты только что заткнул мне рот? – переспросила неверяще.

– Я сказал то, что сказал, – произнёс я медленно и неспешно, позволяя её как следует осмыслить каждое слово. – И повторю. Ещё одно слово в их сторону, тем более в адрес моего сына, и я тоже забуду, что ты моя мать, раз ты так упорно забываешь о том, что он твой внук.

Несколько секунд она так и стояла с приоткрытым ртом, не в силах выдавить из себя ни звука. Я видел, как внутри неё борются гордость и ярость – и то и другое требовало выхода. Но оцепенение спало. Халиса Караева не из тех, кто прислушивается к чужому мнению, и она в очередной раз

это доказала:

– Ты ставишь её выше меня, – прошипела, болезненно кривясь, пятясь назад в поисках опоры. – Опять. Снова эта дрянь выше меня. Может, ты и измену ей простишь? Может, ещё и обратно женой признаешь?

Я молча смотрел на неё несколько секунд. Тщательно подбирая каждое последующее слово, ведь от этого напрямую зависело, как пройдут последующие дни в данном доме – будет ли под этой крышей разгораться война или же все вспомнят своё место. Собрался ответить, но так и не сказал ничего. Она опередила меня.

– Что это? – выдохнула она, её глаза расширились от ужаса и отвращения одновременно, пока взгляд скользил по моей руке. – Ты... Ты надел обручальное кольцо?

Теперь и я заметил то, что заметила она. Я забыл снять его. Надел ещё вчера, чтобы ни у кого не возникало вопросов, пока я решал свою проблему со свидетельством о рождении Фархата, чтобы бумаги, связи, разговоры, свидетели – всё было в одной линии. И вот теперь оно блестело на безымянном пальце под светом люстры, как очередная насмешка судьбы.

А мать уставилась на меня с таким видом, как если бы я её ударил.

– Что тебя удивляет? – не стал отрицать. – Я женат.

Ужас в глазах матери сменился праведным негодованием.

– А что подумает Азра? – она произнесла чужое имя так,

будто тонула в ложке воды и пыталась схватиться за последнюю соломинку, чтобы спастись. — У вас же никах скоро! Мы все приготовления почти завершили! А она, между прочим, добрая и нежная, очень ранимая девочка...

Невольно усмехнулся. «Добрая», «нежная», «ранимая» звучало, как будто мать говорила о товаре, который нужно беречь, чтобы не потерять выгоду. Потому и напомнил:

— И это не помешало ей захотеть стать моей второй женой. Она знала, на что соглашается. Как и ты, когда попросила меня об этом.

— Я всего лишь хотела, чтобы у тебя был наследник, чтобы род Караевых был продолжен!

— Наследник и продолжение у рода Караевых, как видишь, уже есть.

— От какой-то потаск...

— Следи за словами, мама! — мой голос всё-таки дрогнул, но не от слабости, от злости, которую я сдерживал слишком долго. — Алия — мать моего сына. И один этот факт делает её неприкосновенной для всех вас. Вы будете уважать её, будете считаться с её статусом в этом доме. Я всё сказал.

Её лицо исказилось, словно я заставлял её проглотить камень. Она смотрела на меня так, как будто я совершил самый тяжкий грех. И, что хуже, склонял к нему и её.

— Ты понимаешь, что ты делаешь? Ты рушишь всё! Ты из-за этой...

— Я не рушу, — перебил я. — Я ставлю на место то, что дав-

но следовало. И это не обсуждается. Я не спрашиваю твоего совета. И мнения.

Мать, ещё полминуты назад собирающаяся сесть обратно в кресло, передумала и шагнула ближе. Её глаза сузились.

– Ты забыл, кто ты? Ты забыл, что ты мужчина? Ты обязан держать слово. Ты обязан...

– Я обязан только одному, – сказал я тихо, но твёрдо, чтоб она наконец остановилась, и не только в своих шагах. – Сыну.

Теперь она выглядела ещё более бледной. Будто у неё выдернули почву из-под ног.

– Ты специально это сделал, да? Вот почему ты на самом деле не разводился все эти шесть лет, хотя я неоднократно тебя о том просила, – скривилась она. – Ты специально держал её так... чтобы потом...

– Если бы Алия была мертва, как я думал, этот развод ничего бы не изменил. А теперь изменил всё. Особенно для Фархата. И я не позволю никому, включая тебя, вывернуть это против меня. Хватит, мама. Успокойся.

– Как я могу успокоиться, когда *она* в моём доме? – произнесла, как проклятие.

– В моём доме, – повторил я. – И *она* здесь не для того, чтобы ты её унижала. Она здесь, потому что сын должен привыкнуть. Потому что я не стал бы забирать ребёнка, как какой-нибудь мешок картошки, который можно бросить в кладовку и забыть о том, как он там. Фархат – мой сын. Он будет жить со мной. И только мне решать, как это будет.

– А если я не согласна? – её голос начинал дрожать от едва сдерживаемой ярости, даже кулаки сжала. – Если я не позволю?

Ну, вот мы и подошли к самому главному на сегодняшний вечер.

– Тогда ты выберешь себе другой дом, – сказал я, как есть. – Если хочешь, можешь прямо сегодня, сейчас начать выбирать. Я куплю. Любой. Хочешь в городе, будет в городе. Хочешь у моря, будет у моря. Хоть на Камчатку отправляйся, если тебе заблагорассудится. Но больше ты не поднимешь вслух всю эту грязь. Не при ребёнке. Не при мне.

Слова ударили по ней сильнее, чем все предыдущие.

– Ты выгоняешь меня? – прошептала она.

В этом шёпоте было всё: оскорблённое достоинство, привычка быть центром семьи и страх, что больше такого не будет. Я знал свою мать слишком хорошо, чтобы купиться на всё это.

– Я предлагаю тебе выбор, – противопоставил честно. – И предупреждаю. Если ты вмешаешься и испортишь всё, я не прощу. И если мне придётся, я уйду отсюда сам. С сыном. А ты останешься в этом доме одна со своей гордостью.

Мать смотрела на меня долго, тяжело. В её глазах была обида, ярость и что-то ещё, чего понять я не смог. Может быть, разочарование.

Тишина повисла такая густая, хоть ножом режь. Потом она отвернулась, будто ей не хватало воздуха.

– Ты пожалеешь, – прошептала она. – Эта женщина всё испортит.

Я не ответил. Всё, что я собирался обозначить для неё, я уже и так сказал, поэтому развернулся и пошёл обратно к лестнице, ведущей на второй этаж. Подниматься было легче, чем спускаться. Потому что там, наверху, был смысл, к которому хотелось вернуться. Там был мой сын.

И что бы ни случилось дальше, я благодарен Всевышнему за то, что он есть.

Глава 6

Тишина. Плотная. Тягучая. Она наполняла комнату спящего сына, с болью вгрызаясь в душу. Когда-то я считала это место домом, теперь не испытывала ничего кроме безнадёги, выглядывая в окно на сад с персиковыми деревьями.

Лунный свет ласкал пушистые кроны, шальной ветерок весело игрался ими, в стороне едва заметно колыбалась са- модельная качель. И при взгляде на неё апатия накатывала с новой силой.

Она была установлена для меня.

Нияз сам её повесил. И вечерами, после ужина качал меня на ней под рассказ о том, как прошёл день. Я, прикрыв глаза от удовольствия, с улыбкой слушала его, любуясь совершенными чертами прекрасного лица.

Он почти не изменился. Разве что едва заметные морщинки в уголках глаз появились. Да не улыбался больше, как прежде. Ни мне, никому. Стал мрачным, отчуждённым, нелюдимым даже будто.

А может я себе всё придумывала. Ночь, которую я так любила, давила, вселяла сплошь плохие мысли. Всё виделось в самом худшем свете. И только Фархат не позволял этому поддаться, спал безмятежным сном ребёнка, чему-то улыбаясь во сне. Наверное, опять проказничал с Мурадом на пару. Эти двое без этого жить не могли. День прожит зря, если они

не натворили чего-нибудь.

Впрочем, теперь уже и не натворят.

Вздохнув, я вернулась к сыну. Присела рядом, поправила одеяло на маленьких плечиках. Фархат не пошевелился. Только чему-то довольно рассмеялся.

Точно хулиганил с Мурадом!

Я и сама невольно заулыбалась.

Малыш мой любимый.

– Всё будет хорошо, вот увидишь, – прошептала я ему, но на самом деле успокаивала себя.

Может всё и впрямь не так уж плохо?

Зато у Фархата теперь есть своя отдельная спальня, удобная, со множеством игрушек. Нияз постарался. Мне понравилось, как он тут всё обустроил. Вот ещё бы не был таким грубым. Но это уже из области фантастики.

Не знаю, сколько времени прошло, я уже подумывала лечь спать рядом с Фархатом на кровать, когда дверь открылась и на пороге показалась массивная фигура Нияза. Я тут же поднялась на ноги, встречая его.

Мужчина обвёл взглядом комнату, нашёл нас с сыном, после чего произнёс коротко:

– Идём.

Он не повышал голос. Просто бросил слово, как приказ. И сразу вышел обратно в коридор. Я шагнула за ним на автомате, рефлексивно. Когда он уходил, то обещал вернуться, чтобы мы поговорили и всё обсудили. Но, глядя сейчас

ему в спину, я поняла: он не собирался ничего обсуждать. Он пришёл в очередной раз поставить меня перед фактом, давно всё единолично решив.

– Пойдём, – повторил он, едва я вышла и тихо прикрыла за собой дверь детской.

Не пошла, конечно же.

– Я не уйду от него, – ответила также тихо, напомнив.

Нияз посмотрел на меня так, будто я только что сказала что-то совершенно наивное и глупое.

– Я выделил тебе комнату, Алия. Отдельную.

– Я буду рядом с сыном, – повторила я упрямо.

Я знала, что рискую. Знала, что тем самым лишь раздражаю его. Но уйти, значило оставить Фархата одного в этом доме. И на это я пойти не могла.

Нияз поджал губы, одарив меня не менее упрямым взглядом.

– Он спит. И будет спать. Ему всё равно, где ты находишься ночью, – отчеканил негромко, но весомо.

– Ему не всё равно, – не сдавалась я.

В конце концов, Фархат никогда прежде вообще не спал один. Я всегда была рядом. Даже если приходила спать позже него, он знал, что вскоре я всё равно буду с ним. Но откуда бы Ниязу это знать? Он мог спросить, но не стал. Просто решил. Просто сделал. Да и в целом моё мнение уже давно для него не в почёте.

Нияз выдохнул через нос, медленно, с раздражением, ко-

торое он пока ещё держал под контролем, но уже с трудом.

– Ты опять начинаешь торговаться.

Это было не укором. Это было предупреждением.

Которое я вновь заставила себя проигнорировать.

– Я не торгуюсь. Я говорю, как есть, – ответила максимально спокойно.

– Нет, – отрезал он. – Ты говоришь, как хочешь. А будет так, как я сказал.

Его тон давил. Его поза – тоже. Он стоял так, что перекрывал собой весь коридор, лишая пространства для манёвра. Но я и тогда не двинулась с места. Продолжила стоять у двери детской, как если бы вросла в неё, стала частью косяка.

– Я не уйду, – повторила.

Нияз сделал шаг ближе. Слишком близко. Его тень накрыла меня, заслонив даже свет. В нос ударил запах его кожи и едва заметная нотка парфюма. Когда-то я упивалась ими, теперь едва дышать могла в его присутствии.

– И где ты там спать собираешься? – спросил он с холодной насмешкой. – В детской кровати? Она рассчитана только на Фархата. Или на полу?

– Хоть на полу, – сказала сразу, не раздумывая. – Лишь бы рядом с сыном.

Это его задело. Сильно. Я увидела это по тому, как дёрнулся кадык, как сжалась челюсть. Как пальцы сомкнулись в кулаки и тут же разжались, будто он едва удержал себя в последний момент.

– Прекрасно, – бросил зло. – Тогда пойдём.

Я не сразу поняла, что муж имеет в виду. Только когда он открыл соседнюю дверь, скрылся за ней, а вернулся с подушкой и одеялом. Потом развернулся ко мне, взял за руку. Не грубо. Но крепко. Так, что стало ясно – вырваться не получится.

Мы вернулись в детскую.

Фархат по-прежнему спал, поджав ноги, повернувшись лицом в согнутую руку. Нияз бросил подушку и одеяло на пол рядом с кроватью. Без замаха. Без злости. Именно это и напрягло больше всего. Не вспышка гнева, не крик – холодная, выверенная жёсткость, в которой не было ни капли сомнений. Ткань глухо ударилась о ковёр, словно подчёркивая: вот твоё место. Здесь.

– Раз тебе так нравится жить *пожёлтче*, – сказал он сухо, – живи.

Муж развернулся, собираясь уйти, и в этот момент я вдруг поймала себя на абсурдной мысли: если он сейчас выйдет, мне станет легче. Гораздо легче. Потому что рядом с ним воздух становился густым, тяжёлым, давил на грудь, не давая дышать.

Но он не вышел.

У самой двери остановился, будто что-то вспомнил. Взгляд скользнул по комнате и зацепился за мою дорожную сумку, притулившуюся у стены. Да, она выглядела слишком скромно для целой жизни и слишком жалкой для той, кто

когда-то была его женой.

– Это все твои вещи? – спросил, не оборачиваясь.

Я пожалала плечами. Безразлично. Или сделала вид. Вещи – последнее, что меня сейчас волновало. Но всё же ответила ему:

– Не только мои. Там вещи и сына тоже.

Нияз повернулся. Молча. В этом молчании было больше угрозы, чем в любой прежде брошенной им фразе. Он посмотрел сначала на сумку, потом на меня, потом снова на Фархата. И на секунду мне показалось, что он колеблется. Но это длилось слишком мало, чтобы успеть поверить. Да и забыла я о том почти сразу же.

Нияз достал бумажник. Раскрыл. Я увидела плотную кожу, аккуратно разложенные купюры – порядок даже там, где другим он не важен. Он вынул все наличные, которые были внутри, и протянул мне.

– На. Купи себе что-нибудь завтра, – сказал.

Я смотрела на купюры дольше, чем следовало. Принять их означало принять навязанные мне правила этого дома. Чего я делать не собиралась, несмотря на то что вынуждена теперь опять здесь существовать.

– Мне и того, что у меня есть, хватит, – гордо отказалась от такой щедрости.

Хотя, наверное, это моё самое глупое решение. Дядюшка Турсун должен был отправить оставшиеся наши вещи следующим рейсом, отдельно, но теперь это не имело смысла.

Фарид наверняка уже тоже вернулся домой и доложил ему о произошедшем. Но принимать помощь от Нияза я всё равно не желала. Только не от него. Хотя, если так подумать, больше и не от кого.

Нияз это тоже знал, потому криво усмехнулся.

– Ты забываешься, Алия.

В его голосе вновь прозвучало предупреждение. На этот раз оно было почти ласковым и от того чувствовалось ещё более опасным. Я вздрогнула, когда Нияз шагнул вперёд. Слишком близко. Опять. Он словно испытывал меня своим присутствием. Я вновь почувствовала его запах. Знакомый до боли. Тот самый, от которого когда-то кружилась голова, а теперь сводило желудок.

Он склонился ко мне ниже, и я едва сдержала желание отшатнуться. Уйти на другую часть комнаты. Оказаться как можно дальше от него. Чудом, но сдержалась.

Его голос – тихий, мрачный, пробирал до самых глубин души. Словно он не говорил, а мысленно транслировал мне каждое своё слово.

– Я разрешил тебе остаться под этой крышей при одном условии. Ты не споришь со мной. Ты слушаешься. Ты не устраиваешь сцен. Если тебя что-то не устраивает – где ворота, ты знаешь. Ты уже там была.

Слова врезались точно в цель. Больно. Без промаха. Разодрали броню, хлестнув по сердцу со всего размаха. До очередной глубокой раны, которая тут же принялась кровото-

чить, мешая каждому новому вдоху. Я ведь действительно там была. Помнила каждый шаг. Каждый взгляд. Каждый день, когда мир рушился, а поддержки не было ни от кого. Показательное выступление его матери и сестры лишило меня её. Они же на весь город меня ославили, так грубо выставив за порог. Никто бы не стал помогать кахбе. Мне пришлось бежать, пока ещё могла, пока меня не закидали камнями.

Он прав. Я знала цену его терпения. И знала, что бывало, когда оно заканчивалось. Вот и промолчала. Потому что если бы заговорила – закричала бы. Обязательно высказала бы ему всё, что думаю о нём и его помощи. А Фархат спал. Я не хотела его будить. Не хотела, чтобы он становился свидетелем столь безобразной сцены. Чтобы между нами с Ниязом ни произошло в прошлом, его это не должно никак касаться. Я разберусь, но сама, без его участия.

Нияз ещё секунду смотрел на меня, словно проверяя, не сдалась ли я наконец. Не сдалась. Не внешне. Он снова криво усмехнулся, будто ничего иного и не ждал от меня. Потом аккуратно положил деньги на тумбочку. Жест выглядел почти будничным. Почти спокойным.

– Подумай, – сказал ещё тише. – И не испытывай моё терпение.

Наконец, отстранился. Но и уходить не спешил. Стоял и ещё около минуты прожигал меня тяжёлым взглядом. Казалось, он что-то хотел спросить и не решался. Так по итогу

ничего и не сказал. Тряхнул головой и ушёл.

Дверь закрылась за ним почти беззвучно. Через несколько секунд замолкла и его тяжёлая поступь. А я ещё немного постояла, не двигаясь, не веря, что осталась одна. Потом медленно опустилась на пол, прямо на брошенное одеяло, прижала к груди подушку и только тогда позволила себе вдохнуть.

Воздух дрожал. Или это дрожала я? По щекам катились слёзы. Не боли – опустошения.

Это будет труднее, чем представлялось.

И я боялась, что не справлюсь.

Всю ночь провела как на иголках, заснув лишь с рассветом. А проснулась от того, что рядом кто-то копошился. Оказалось, Фархат. Пока я спала, он перебрался ко мне на пол и вытеснил меня с пухового одеяла на палас, развалившись на моём месте в форме звезды.

Вот ведь хулиган!

А Нияз говорил, что проспит до утра и не вспомнит. Как же. Он бы скорее весь дом перебудил, проснувшись и не найдя меня.

Невольно улыбнулась, глядя на маленького наглеца, оккупировавшего моё спальное место. Потянулась разбудить его, но не стала. Вместо этого поднялась и пошла умываться.

Пусть ещё поспит, а я пока завтрак как раз приготовлю.

Правда, шагнув к ванной комнате, почти сразу замерла. Вспомнилось, что я в этом доме теперь больше прислуга,

чем мать наследника рода Караевых. О чём госпоже Халисе уже наверняка известно. Соответственно, как только покину комнату, на меня сразу обрушится весь её гнев со всеми вытекающими.

Вздохнув, я на мгновение прикрыла глаза, собираясь с мыслями о своём скором будущем.

Это будет в самом деле трудно.

Халиса Сабитовна не зря велела уезжать. Она знала, что в ином случае так и будет. И неожиданно честно предупредила о последствиях. Стоило её послушать.

Впрочем, я и послушала. Но толку? Её сын всё равно не отступил бы. Даже выйди всё с никахом, он бы и тогда что-то да придумал, ни за что не отступил. Нияз в принципе не из тех, кто легко меняет решения. Раз приняв, стоит на своём до конца. Это и сыграло с нами злую шутку. Его неумение идти на компромиссы. Он либо получает всё, либо ничего. Для него не существует полутонов. А теперь их больше не существует и для меня.

Не важно, что им двигало. Не важно, сожалел ли он о случившемся. Я всё равно не собиралась его прощать. И прогибаться, как раньше, пытаюсь сгладить острые углы и успокоить его. Пусть Азра теперь этим занимается.

Вот. Ещё одна проблема. Его вторая жена. Бывшая подруга ни за что не позволит мне забыть о том, что несмотря на сохранность моего статуса на бумаге, на деле я в этом доме больше никто.

Змея похлеще Халисы.

Жаль, я поняла это слишком поздно.

Ах, если бы я знала тогда, что, помогая ей, разрушу собственное счастье.

Я ведь до последнего верила, что обязана её поддержать. А на деле... именно она меня и сдала. Выставила всё так, будто я не просто изменила Ниязу, а делала это на постоянной основе. А она меня прикрывала всё это время. И доказательства предоставила.

Когда Нияз швырнул мне в лицо ту запись...

Никогда мне ещё не было так стыдно, больно, унижительно.

Я сразу всё поняла. Никто, кроме матери, Азры и Нияза не знал о моей родинке на пояснице. Я никогда не выставляла её напоказ. И уж точно никто не мог воспроизвести её с такой точностью. Она необычная, похожая на кривое вытянутое перевёрнутое сердце. Такое не нарисовать с точностью до миллиметра, не увидев, только по описанию. А Азра видела. Ещё расспрашивала о ней, просила рассмотреть получше, а на деле...

Сделала из меня кахбу.

И когда правда вскрылась, было поздно уже что-то кому-то доказывать. Я видела это в глазах Нияза. Он требовал правду, но не верил больше мне. Впрочем, я сама виновата. Не лги я ему, прикрывая проделки Азры, был бы шанс. А ложь, наложенная на ложь, породила закономерное недоверие.

рие.

Я осталась одна, без семьи, без поддержки. Нияз выгнал меня, даже не удосужившись убедиться, что я не беременна, как того требовали обычаи. Да я и сама на тот момент не думала, что такое возможно. Хотя мы с Ниязом очень хотели детей, но как-то всё не выходило, из-за чего Халиса Сабитовна всегда особенно сильно злилась на меня. Считала пу-стоцветом. А вышло...

Хорошо вышло, если так подумать. У меня был Фархат, и ради него я бы и не такое вынесла ещё раз, если б пришлось.

Только как мне теперь это всё пережить в настоящем?

О том и размышляла, пока умывалась и переодевалась.

– Мама? – послышался в какой-то момент сонный голосок сына, и я поспешила выйти к нему.

– Я здесь, Фархат. Проснулся? – улыбнулась.

Сын сидел на полу, потирая глазки своим маленьким кулачком. Явно ещё не до конца проснулся. Но кивнул уверенно, бодро. А потом задал вопрос, от которого у меня сердце в прямом смысле слова встало. Всего на миг, но точно перестало биться.

– А где папа?

Я чего угодно ждала, но не этого. И даже как-то не сразу со словами нашлась.

– Он сказал, что ненадолго уйдёт по делам, а потом вернётся, – продолжил добивать меня собственный же ребёнок.

– А... когда он тебе это сказал? – поинтересовалась я у

него осторожно.

— Когда заходил утром поздороваться. Ты спала. Он велел тебя не будить. Сказал, что ты устала. И я не будил. Папа сварил мне кашу, я поел, а потом мы вернулись к тебе. Потом он сказал, что ему нужно уйти ненадолго. А ещё обещал, что, когда вернётся, он со мной поиграет.

Честное слово, я ещё никогда в жизни не пребывала в таком шоке, как сейчас.

И ведь даже не проснулась!

У меня ребёнка из-под носа увели, а я и не поняла!

— Значит папа тебя накормил, — уточнила скорее для того, чтобы просто что-то сказать, чем в самом деле интересовалась.

— Да, — кивнул Фархат. — И дал персик. То есть он дал два. Один тебе. Но ты так долго спала, что я его съел, — стыдливо опустил глаза в пол, вызвав у меня непроизвольную улыбку.

— Вкусно тебе хоть было? — уточнила со смешком.

— Очень, — закивал довольно мой мальчик, вмиг позабыв о всяком стыде.

Подскочил на ноги и кинулся к столику. Я лишь отметила краем сознания, что он довольно неплохо здесь уже ориентируется. А я всё проспала.

— Вот, это мы с папой нарисовали! — гордо произнёс сын, вернувшись ко мне с альбомным листом.

— О! Как красиво! — восхитилась я, глядя на детский рисунок.

А у самой в груди снова всё сжалось.

На белом плотном листе был изображён дом на пригорке и мальчик, держащийся за руки двух взрослых.

«Мама», «я», «папа» было подписано над каждым человеком. А в стороне лаял «Мурад».

– Правда, очень красиво, – похвалила ребёнка. – Ты большой молодец. С каждым разом всё лучше получается.

Фархат радостно просиял, почти раздулся от гордости, чем вызвал у меня новую улыбку.

– Мам, а можно мне в саду поиграть? Я кушать не хочу. И в комнате мне надоело.

Вопрос ввёл в очередной ступор. Будь мы в пацхе, я бы даже не раздумывала. Но тут чужая территория, на которой проживали те, кто хотел бы избавиться от нашего с сыном присутствия на ней. Отпустить одного значило подвергнуть опасности. С другой стороны, не станет же Халиса Сабитовна в самом деле вредить ребёнку? Она, конечно, женщина жёсткая, прямолинейная, что думала, то и говорила всегда, но физически никогда не вредила. Если, конечно, не считать того раза, когда сама же остригла меня, прежде чем вытолкнуть за ворота этого дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.